

ЕГОРОВ ГЕОРГИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

3

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АНОМАЛИЯ,
РОЖДЕННАЯ СМЕРТЬЮ

18+

Георгий Егоров

Аномалия, рожденная смертью 3

«Автор»

2026

Егоров Г.

Аномалия, рожденная смертью 3 / Г. Егоров — «Автор», 2026

Третья книга цикла. Москва осталась далеко позади, превратившись лишь в болезненный рубец памяти. Позади остались сотни километров дороги, трупы наемников и запах пороха, который не отбить никаким одеколоном. Федор обладает уникальными боевыми возможностями, превращающими его тело в совершенное оружие, но даже чуть ли не едва спасают ему жизнь. Он думал, что путь до Хабаровска станет финальной прямой перед долгожданной расплатой. Но он ошибся. Заклятый враг Кириллыч знает о каждом его шаге. За голову Школьника назначена цена, от которой у продажных воровских авторитетов сводит скулы, а профессиональные киллеры сходят с ума от азарта. У Федора есть только одна цель, пульсирующая в висках вместе с кровью - добраться до конца маршрута и посмотреть в глаза человеку, разрушившему его жизнь. Открывай книгу. Путешествие через ад почти завершено, и билеты обратно уже не продаются.

© Егоров Г., 2026

© Автор, 2026

Георгий Егоров

Аномалия, рожденная смертью 3

Глава № 1 «РЕШЕНО И ТОЧКА»

— Ты точно решил? «Всё хорошо обдумал?» — тихо спросил Мухин.

Он смотрел не на меня, а вперёд, на серую ленту трассы. Утро за лобовым стеклом было блеклым, холодным, как алюминиевая ложка на столе. Я сидел на пассажирском сиденье, упёрся локтем в дверь и кулаком подпирал подбородок. Несколько секунд молчал. Не потому, что сомневался. Просто впервые говорил это вслух, и слова внутри вставали тяжело, как кости после старого перелома.

— Да.

Пауза повисла, между нами, как сигаретный дым в закрытом помещении.

— Как только мы закончим с Кириллычем... я ухожу.

Муха едва заметно кивнул, будто подтверждал собственные мысли. Он и так всё понимал. Всегда понимал раньше, чем я успевал сформулировать.

— Совсем? — спокойно спросил он.

— Совсем. Без «если что — наберу». Без возвратов. Без «надо всего один вопрос решить». Всё. Я выхожу из воровского братства. Из всех дел. Из всей этой... жизни, — я повёл рукой в воздухе, будто мог стряхнуть её с пальцев. — Хватит. Сыт по горло.

В машине было тихо. Только шины ровно гудели по асфальту, как далёкий трансформатор.

— И чем жить будешь? — спросил он без насмешки. Просто по-человечески.

Я усмехнулся краем рта.

— Тем, что у меня лучше всего получается.

— Стрелять? Штабелями людей укладывать и заполнять ими кладбища? — хмыкнул он.

— Драться. На профессиональном ринге.

Я повернулся к окну. В стекле отражалось моё лицо — усталое, жёсткое, с длинным шрамом на щеке и сбитыми костяшками. Лицо человека, который слишком долго жил на адреналине и слишком мало — по-настоящему.

— Я обещал одному человеку. Давно. Когда всё только начиналось... Тренеру своему. Евгению Сергеевичу. Он говорил: «У тебя удар не злой. У тебя удар честный. Такие всегда чемпионами становятся».

Муха тихо хмыкнул.

— Значит, толковый мужик был. Муха помнил про смерть тренера и то, что его повесили, выдав убийство, за самоубийство.

— Он верил, что я стану чемпионом мира. Не района. Не округа. Мира. А я вместо ринга по подвалам скрывался, да в другой стране жил — я пожал плечами. — Кривой маршрут к славе, если честно.

Я помолчал, потом заговорил тише:

— Я ведь больше ничего не умею, Павел Игнатьевич. Ни бизнес строить, ни бумаги читать, ни улыбаться тем, кого презираю. Я умею одно — драться. И очень хорошо умею. Так почему бы не вписать своё имя туда, где дерутся по правилам? В историю бокса. Как Тайсон. Как Гатти. Как Али...

— Представляешь? — усмехнулся он. — «Фёдор по прозвищу Школьник — чемпион мира». Не в сводке. Не в ориентировке. А на плакатах. А не староват ли ты для профессионального бокса?

Он впервые посмотрел на меня прямо.

— В самый раз, — сказал я спокойно. — И знаешь что? Я смогу это всем доказать. Я сам на секунду растерялся от того, как уверенно это прозвучало.

— Я верю тебе Федя, — сказал Мухин.

— Серьёзно?

— Когда ты дерёшься, у тебя глаза другие, — сказал он. — Не как на стрелке. Не как когда ты кого-то приговорил. Там злость. А в ринге у тебя... жизнь. Ты там живой.

Слова зависли в салоне. Я сглотнул и отвернулся к окну, потому что в груди вдруг стало тесно. Художник в наш разговор не влезал, молча рулил и слушал.

— Я не хочу всю оставшуюся жизнь провести за решёткой, — сказал я глухо. — Как тигр, которого ловят только потому, что он сильный. Я хочу просыпаться и радоваться жизни. Чтобы утро — это просто утро. А не «кто сегодня предаст» и «откуда прилетит».

Я сжал кулак, разжал.

— Хочу идти по улице и не сканировать каждую машину. Не вздрагивать от хлопка двери. Не прятать лицо от камер. Просто жить. Тренироваться. Уставать по-настоящему — от бега, от спаррингов, от работы. А не от того, что мозг всё время в режиме войны и самовывживания.

Муха молчал долго. Потом сказал:

— Ты знаешь, что перестроиться будет тяжело?

— Знаю.

— Там не уважают за прошлое. Там уважают за сегодняшний раунд.

— Тем лучше, — я кивнул. — Значит, всё будет честно.

— А если проиграешь?

Я усмехнулся.

— Я полжизни проигрывал, Павел Игнатьевич. Просто выживал при этом. Проиграть по очкам — это вообще подарок судьбы.

Он медленно кивнул.

— Я тебе помогу.

Я повернулся к нему от неожиданности.

— В любом исходе, — продолжил он. — Выиграешь — буду в первом ряду орать громче всех. Проиграешь — подниму и снова в зал отведу. Захочешь всё бросить — напомню, зачем начал. Но есть только одно условие.

— Какое?

— С Кириллычем — до конца. Чтобы он тенью за спиной не ходил, когда ты на ринг выйдешь. Вообще до конца.

Я протянул ему кулак.

— С этим разберёмся. Для этого мы сейчас и едем на Дальний восток.

Он стукнул своим кулаком о мой.

Машина шла дальше на восток — туда, где нас ждали долги, кровь и последняя война. А где-то глубоко внутри, там, где раньше жила только злость, появилось что-то новое. Не яркое. Не громкое. Просто тихая, упрямая мысль:

Если выживу, обязательно стану чемпионом.

Трасса тянулась серой лентой, машина жадно глотала километры. Впереди выстраивался длинный, как судьба, маршрут: Нижний Новгород, Казань, Пермь, Екатеринбург, Тюмень, Омск, Новосибирск, Красноярск, Иркутск, Чита... и Хабаровск — точка, где всё должно было либо закончиться, либо начаться заново.

Первой серьёзной остановкой значился Нижний. Там нас ждал человек из старых времён — Кипиш. Имя звучало громко, с налётом беспокойной славы, но для меня было пустым звуком. Я о нём не слышал. А такие люди особенно опасны — про них знают все, кроме тех, кому с ними работать.

В дороге мысли разрастаются быстро. Каждый поворот руля подкидывал новый вопрос. Можно ли ему доверять, когда ставки давно выше человеческой жизни? Не решит ли он в последний момент сыграть на другой стороне и продать нас Кириллычу? Тот ради цели скупит людей, технику, дороги и даже тишину вокруг. Если понадобится — поднимет целую армию и погонит её хоть в Хабаровск, хоть на край карты, лишь бы перекрыть мне воздух.

От этих мыслей внутри становилось холодно. Но назад дороги уже не было. Риск сидел с нами в машине молчаливым четвертым пассажиром и тоже смотрел в лобовое стекло.

И всё же я держался за простую вещь — за доверие к Мухе. Он знал Кипиша лично. Не по слухам. А Павлу Игнатьевичу я верил так же крепко, как самому себе. А себе в такие моменты лучше не врать.

Мотор гудел ровно. Дорога тянулась бесконечно. И каждый километр приближал нас к встрече, которая могла изменить весь расклад — или поставить в этой истории жирную точку.

«КИПИШ»

Детство у него, вопреки всему, начиналось светлым.

Мать умела смеяться так, что маленькая кухня в хрущёвке превращалась в целый мир, где можно было дышать спокойно. По выходным она пекла оладьи, ставила на старенький магнитофон песни Аллы Пугачёвой, и они танцевали прямо между столом и плитой. В такие минуты он верил, что так живут все люди, что за пределами их стен нет ни тревоги, ни боли, ни чужих шагов на лестнице.

Отца он не знал. Только выцветшая фотография в шкафу и короткое, словно обрубленное объяснение: «Ушёл, когда ты был маленький».

Зато был отчим. Тяжёлый, как запах перегара, и такой же неизбежный. Сначала он кричал. Громко, долго, срывая голос. Потом начал толкать мать. А потом дом стал местом, где тишина пугала больше шума. Потому что тишина означала ожидание.

Коля рано научился различать шаги на лестнице. По ним он понимал, каким будет вечер. Он прятал голову в подушку, когда за стеной гремела посуда, а мать плакала так, будто из неё выжимали последние силы. Он выросл быстро — не в рост, а внутри. Детство сжалось до одного желания: чтобы всё это когда-нибудь закончилось.

В тот день он не собирался никого убивать. Просто всё сошлось в одну точку. Крик. Удар. Упавшая на пол мать. И отчим, который уже не выглядел человеком — только опасностью, нависшей над ними.

Дальше всё произошло стремительно, как во сне, где бежишь и не чувствуешь ног. Он действовал не из ярости, а из холодного отчаяния. Он понял, что если сейчас не он, то больше никому.

Когда приехали взрослые люди в форме, он не сопротивлялся. Просто сел на табурет и смотрел в пол. Мать что-то объясняла, плакала, хватала его за плечи, но он уже словно ушёл далеко. В тот день Николай закончился. Началась дорога будущего Кипиша.

Ему было четырнадцать, когда за ним захлопнулась первая тяжёлая дверь. Металл лязгнул так, будто поставил окончательную точку.

Малолетка встретила его не криками, а внимательными взглядами. Здесь не спрашивали, кто ты. Здесь смотрели, какой ты.

Запах сырости, варёной капусты и дешёвого мыла въелся в память навсегда. Камера была тесной, но главное — чужой. Чужие лица, чужие правила, чужая жизнь, где слабость чувствовалась быстрее, чем холод.

В первую же минуту ему бросили под ноги полотенце.

Никто ничего не объяснил. И не нужно было. Это была проверка.

Он посмотрел на тряпку, потом на ребят вокруг. Почти все старше, с жёсткими глазами и насмешками людей, которые слишком рано всё поняли. Коля ничего не сказал. Просто шагнул вперёд, не опуская взгляда, и наступил на лежащее полотенце двумя ногами.

В камере стало тихо.

Кто-то хмыкнул, потому как формально проверка была пройдена. Стоило ему поднять полотенце, все, считай конченный.

— За что? – раздался чей-то голос из глубины камеры.

— Убийство, — тихо ответил он в пространство.

Вопросов больше не было.

Жизнь там текла медленно и беспощадно. Дни были одинаковыми, как решётки на окне. Учились быстро — кто как говорит, кому можно доверять, а кого обходить. Драки случались не из злобы, а из необходимости. Каждый выстраивал себе место в этом замкнутом мире.

Николай не лез вперёд, но и не отходил. Он умел молчать. Умел наблюдать. Умел ждать. И главное — он уже познал настоящий страх дома, поэтому страх за решёткой не ломал его. Здесь всё было честно. Удар наносили без улыбки и без слов про заботу.

Старшие быстро узнали, за что он сидит. История разошлась по корпусу. О матери он не позволил сказать ни одного плохого слова. Постепенно к нему начали относиться иначе. Без насмешек. Без лишних проверок. Не как к герою. Но как к человеку, который однажды сделал то, на что не каждый взрослый способен.

Там он впервые почувствовал странное спокойствие. Мир за решёткой был жестоким, но понятным. Правила грубыми, но прямыми. Там он начал учиться главному — думать наперёд, видеть людей насквозь, отличать шум от настоящего движения.

Малолетка не сделала его зверем. Она сделала его внимательным.

А внимательный человек, выросший из боли, однажды становится тем, кто умеет устроить такой кипиш, что целые города потом не могут понять, откуда всё началось.

Исправила ли его малолетка? Конечно нет. Именно здесь начиналась настоящая преступная иерархия. На зоне правили «активисты», и их слушались все. Администрация делала вид, что не замечает происходящего. Такой порядок был удобен. «Активисты» собирали вокруг себя сильных и опытных подростков, готовых выполнять любые поручения.

Николай поначалу ничего об этом не знал. Со временем понял и выбрал для себя середину. Он решил не прогибаться, но и не переходить черту. Выжидать. Смотреть. Учиться. А дальше — как распорядится судьба.

Учились здесь все хорошо. За плохую оценку учитель сообщал старосте, а тот был приближённым к «активисту». После этого подростка жестоко избивали, чтобы он не позорил коллектив. Администрация закрывала глаза. Успеваемость была отличной, отчёты — красивыми, а значит менять ничего не требовалось.

Били регулярно. Так, чтобы лишний раз головы не поднимали.

В один из вечеров выстроили строй. Приближённый громила шёл вдоль рядов и проверял каждого. Он просто наносил мощный удар в солнечное сплетение. От этого перехватывало дыхание, мир темнел, и человек складывался пополам.

Когда очередь дошла до Коли, громила замахнулся.

Но Коля ушёл в сторону и лёгким толчком направил его собственную силу дальше. Тот потерял равновесие и рухнул на колени.

Коля не стал ждать. Он шагнул вперёд и точным ударом ноги вложил всю силу в затылок противника. Всё произошло за секунды. Тишина обрушилась на барак.

Он понимал, что сделал. Для такого поступка нужна не только смелость, но и внутренний стержень. Он ясно осознавал последствия своего одиночного бунта. Потерять положение — это было ещё не самое страшное. В этих стенах могли лишиться и самой жизни.

Но в тот момент он впервые почувствовал, что страх больше не управляет им.

И именно тогда в нём окончательно родился тот человек, которого позже будут называть Кипиш.

За этот поступок старшие его не наказали, а наоборот подтянули к себе, а тот, кто позволил себя ударить и так тупо подставился, опустили и загнали под шконку. Был громила, а теперь стар громила - петушок.

На малолетке его становление происходило не громко, а постепенно, почти незаметно. Там редко выживают те, кто суетится. Там выживают те, кто умеет слушать и делать выводы.

Первый урок он получил уже через пару недель. В столовой начали пропадать хлеб и сахар. Сначала грешили на новеньких, потом на кухню, потом на охрану. Начались подозрения, шёпоты, мелкие разборки. Однажды вечером «актив» решил устроить показательную проверку. Выстроили всех, начали давить, искать виноватых. Николай стоял в конце строя и смотрел не на людей, а на окна. Там каждый день сидел один и тот же парень — тихий, незаметный, почти прозрачный.

В тот вечер Николай просто подошёл к старшему и сказал, что искать надо не среди голодных, а среди тех, кто не ест. Через час нашли тайник. Никто не понял, как он догадался. А он всего лишь заметил, что тот парень каждый день уносит пустую миску, но никогда не просит добавки. После этого на него начали смотреть иначе.

Второй случай произошёл зимой. В корпусе назревал конфликт между двумя группами. Всё шло к большой драке. Администрация уже готовилась закрыть весь блок на строгий режим. Николай предложил старшим не лезть в открытый конфликт. Ночью он пустил слух, что утром ожидается внезапный обыск.

Утром драки не случилось. Все были заняты тем, что прятали запрещённые вещи. Обыск, конечно, не состоялся. Но напряжение ушло. Тогда он впервые увидел, как слух может быть сильнее кулаков и взял этот момент на заметку.

После этого его начали уважать не за силу, а за голову.

Срок у него был большой. Когда подошло время перевода во взрослую зону, он уже не был новеньким. Он был системой.

Во взрослой тюрьме его встретили осторожно. Сидел за тяжёлое дело, но вёл себя спокойно. Он не лез в разговоры, не спорил, не показывал характер. Он просто наблюдал.

Первый месяц он почти не говорил. Второй — начал советовать. Третий — к нему уже приходили.

Однажды в отряде пропал человек. Никто не мог понять, куда он делся. Администрация нервничала, зона гудела. Николай сказал, что искать надо не в камерах, а в больничке. И оказался прав. Человек спрятался там, надеясь переждать конфликт. С этого момента его стали слушать.

Он никогда не рвался вверх. Его поднимали сами. Ему доверяли переговоры, сложные вопросы, ситуации, где любое неверное слово могло привести к крови. Он умел говорить так, что люди сами приходили к нужному решению.

На свободе Кипиш работал по ювелирным магазинам и скупкам антиквариата так, будто это была обычная служба доставки. Вещи исчезали, а милиция даже не подозревала, что в городе происходят кражи. Всё проходило чисто, без крови и лишнего шума. Он не оставлял явных следов, не дарил следствию ни отпечатков, ни случайных улик. И всё же на воровских сходках он никогда не упускал случая между делом обронить пару слов о том, как удачно завершилось очередное дело. Не хвастался, не кичился, просто напоминал о себе. Этого было достаточно.

К тридцати годам его имя уже обгоняло слухи. К сорока он стал легендой. К пятидесяти превратился в часть тюремной мифологии, в историю, которую пересказывали новички, чтобы понять, как устроен этот мир.

К шестидесяти он выглядел не как человек из криминальных хроник, а как усталый профессор. Тонкие пальцы, спокойный взгляд, привычка пить крепкий кофе и долго молчать. Казалось, что он больше принадлежит библиотеке, чем улицам. Но в девяностые, когда ему было чуть за тридцать, его имя произносили быстрее, чем слово «опасность».

Прозвище он получил не за характер и не за вспыльчивость. Он получил его за метод.

Там, где обычный вор действовал тихо, как тень, он приходил как гроза.

Он поднимал такой шум, что города ещё долго пытались понять, что именно произошло.

В одном районе внезапно начиналась массовая драка. В другом срабатывали тревоги на складах, где ничего не исчезало. Где-то перекрывали дороги, где-то появлялись проверки с поддельными документами. Службы метались, начальство теряло самообладание, телефоны разрывались от звонков. Все тушили пожар, которого на самом деле не существовало.

А в стороне от этого хаоса спокойно исчезал груз.

Вагоны, фуры, контейнеры — не по мелочи, а так, словно их просто вычёркивали из реальности. Без свидетелей, без шума, без следов.

И самое удивительное заключалось в том, что он не скрывался.

Ему было мало денег и уважения. Ему нужна была сцена.

Он умел запускать слухи через третьих людей, намекать нужному человеку, улыбаться при встрече так, что всё становилось понятно без слов. Это была его подпись, его автограф.

Доказать ничего не удавалось никогда.

Все знали. Но знание без доказательств оставалось лишь разговорами на кухнях и в прокуренных кабинетах.

Старшие ценили его не за дерзость, а за расчёт. К нему приходили тогда, когда дело считалось потерянным. Когда схема рушилась, люди попадали под наблюдение, сроки поджимали.

Он слушал. Молчал. Задавал несколько коротких вопросов.

И перестраивал всё так, что операция превращалась в сложную игру.

Он создавал ложные цели, второстепенные катастрофы, фальшивые следы. Пока все бежали по кругу, он закрывал дело и спокойно пил чай.

В нём не было суеты.

Будто он заранее знал, что мир всё равно побежит туда, куда он его направит.

Со временем его имя стало не просто кличкой, а явлением.

Если где-то начинался необъяснимый беспорядок, старые оперативники вспоминали фильм Крёстный отец, тяжело вздыхали и говорили, что, похоже, снова прошёл Кипиш.

И самое тревожное заключалось в том, что чаще всего они оказывались правы.

Некоторое время назад его имя всерьёз обсуждали на самом верху. Старшие собирались, спорили, прикидывали расклады и даже выдвигали Кипиша на роль смотрящего по всей России. Для многих это казалось логичным шагом. Он умел держать баланс, не светился, не подставлял людей и, главное, всегда доводил начатое до конца. В его пользу говорили опыт, холодный ум и та самая редкая способность видеть на несколько ходов вперёд.

Но Кипиш отказался. Спокойно, без пафоса и лишних слов. Он выслушал всех, не перебивая, как обычно, долго молчал, а потом лишь усмехнулся и сказал, что человеку достаточно малого, если он умеет это малое сохранить. Объяснил просто, почти по-житейски: нужно сидеть ровно на одном стуле, потому что на двух сразу не усидишь, да и неудобно это.

Старшие переглянулись, но спорить не стали. Они понимали, что за этой внешней простотой скрывался холодный расчёт. Большая власть всегда притягивает внимание, а внимание приносит ошибки. Ошибки приводят к потерям. А Кипиш никогда не играл в игры, где шансы на проигрыш были выше, чем на победу.

С того дня его уважение только выросло. Люди видели, что перед ними человек, которому не нужны титулы, чтобы оставаться силой. Он продолжал работать так же тихо, выстраивая

сложные комбинации, двигая людей и события, словно фигуры на шахматной доске. И чем меньше он стремился к вершине, тем больше казалось, что он уже стоит над ней.

Вот такой человек и встречал нас в Нижнем Новгороде, лично гарантируя Мухе полную безопасность. В его манере не было показной серьёзности, не звучало громких обещаний. Всё выглядело буднично, почти спокойно, но за этой простотой чувствовалась тяжесть слова, которое здесь ценили больше любых подписей и печатей.

Павел Игнатьевич ехал к нему стремительно, не оглядываясь, не задавая лишних вопросов. Это многое говорило. Мухин не из тех, кто доверяет наугад. Он видел людей насквозь, и, если уж решал опереться на кого-то, значит, был уверен до конца. Поэтому, наблюдая за его спокойствием, я постепенно тоже отпустил напряжение.

Дорога казалась короче, чем обычно. Внутри не было той привычной готовности к неожиданностям, не возникало желания держать руку ближе к оружию. Всё происходило так, будто мы ехали не на встречу с человеком, вокруг которого ходили легенды, а к старому знакомому, который просто решил помочь.

Если Павел Игнатьевич не боялся, значит, бояться было нечего. Я поймал себя на том, что впервые за долгое время позволил себе расслабиться. Без колебаний, без внутреннего сопротивления. Я полностью доверился Мухе, как доверяются тем, кто уже не раз вытаскивал из самых безнадёжных ситуаций. И в тот момент это казалось единственно правильным решением.

«ДОРОГА ДАЛЬНЯЯ»

На подъезде к городу, там, где над трассой возвышалась стела с алыми буквами «Нижний Новгород», воздух вдруг стал плотнее. Впереди виднелось скопление машин, мигающие огни и фигура инспектора, который так рьяно размахивал жезлом, будто дирижировал оркестром на последнем аккорде.

Художник спокойно сбросил скорость и аккуратно вывел машину на обочину. Поводов для волнения не было: шли ровно, без рывков, по правилам, ремни безопасности на месте, лица спокойные. Но я давно знал — когда тебя останавливают вот так, с лишним энтузиазмом, дело редко ограничивается проверкой документов.

Стекло медленно опустилось. Инспектор подошёл, козырнул, назвал фамилию. Голос сухой, взгляд живой и слишком внимательный. Он взял документы, но глаза его метались — то на Художника, то на Муху, словно пытались сложить в голове какую-то картинку, где мы никак не вписывались в привычный пейзаж трассы.

— Куда направляетесь? — спросил он.

— Туда, — спокойно ответил Художник, махнув рукой вперёд.

— А откуда?

— Оттуда, — так же невозмутимо показал он себе за спину.

Мухин не выдержал и рассмеялся в голос. Смех его прозвучал слишком свободно для обочины с мигалками. Инспектор прищурился, но лицо его осталось каменным.

— Следуйте за моей машиной, юмористы, — произнёс он, возвращая удостоверение.

Колонна выстроилась быстро. Спереди — патрульная машина, сзади — ещё одна. Мы оказались в аккуратном коридоре из фар и стекла. Дорога тянулась вперёд, сворачивала, уходила в сторону частного сектора. Полчаса пути прошли в напряжённом молчании. Ни сирен, ни лишних разговоров. Только ритм двигателя и понимание, что маршрут нам сейчас не принадлежит.

Вскоре мы въехали в распахнутые ворота огромного особняка. Металлические ворота медленно разошлись в стороны, пропуская колонну внутрь. Передняя машина без остановки прокатилась дальше и исчезла через вторые ворота, которые предусмотрительно уже были

открыты. Замыкающая повторила манёвр. Нас же остановили жестом — ладонь вперёд, короткое ожидание.

Автоматические створки за спиной медленно сомкнулись. Пространство двора стало замкнутым и глухим. Охранник, не говоря ни слова, кивнул нам выходить. Мы забрали вещи, едва ступили на плитку, как тот же человек ловко сел за руль нашей машины и укатил вглубь территории. Звук двигателя растворился за поворотом, оставив нас на пустом дворе под камерами и взглядами людей, которых не было видно, но которые точно наблюдали.

— Кого я вижу, — раздался голос.

К нам шёл крепкий мужчина с распахнутыми руками, уверенный в каждом шаге. Он двигался так, будто весь этот двор — продолжение его ладони.

— Коля! «Отлично выглядишь», — сказал Муха, и они обнялись крепко, по-мужски, с тем коротким напряжением в плечах, в котором читается прошлое.

— Когда я узнал, что самому Мухе понадобилась всероссийская поддержка, чуть стакан не выронил, — усмехнулся мужчина. — Видать, крепко тебе надавили на одно место.

— Есть такое дело, Коля. А ты для своих лет бодр, старик, — ответил Мухин.

Смех у них вышел громкий, но глаза оставались внимательными.

Кипиш — а это был именно он — перевёл взгляд на Художника. Тот переминался с ноги на ногу, словно ждал своей очереди на сцену.

— Художник, старый бродяга. Лет тридцать прошло, не меньше?

Он подошёл и протянул руку. Без объятий, только крепкое рукопожатие. Но в этом жесте было больше признания, чем в любых словах. Художник сжал его ладонь с уважением, которое не нуждалось в показной теплоте.

— Не меньше тридцати, — подтвердил он.

Затем взгляд Кипиша остановился на мне.

— Так это и есть тот самый Школьник?

— Да, Коля. «Мой друг Фёдор», — спокойно сказал Муха.

Кипиш внимательно оглядел меня с головы до ног. Взгляд был тяжёлым, цепким, как у человека, привыкшего оценивать без лишних сантиментов.

— Наслышан о тебе. И о том, как тебя пытались списать. И о том, как ты всё перевернул. Редкий случай. На моей памяти впервые, чтобы после решения схода человек сумел доказать обратное и выйти чистым. Такое дорогого стоит. Держи моего краба.

Он шагнул ко мне и протянул руку. Рукопожатие было сильным, проверочным. Я ответил так же. Ни на миллиметр слабее. Несколько секунд — и в его взгляде мелькнуло короткое удивление.

— А ты не хрупкий, — заметил он, скосив глаза на Муху.

— Воспитанник Гвоздя, — тихо сказал Муха. — Царствие ему небесное.

Лицо Кипиша на мгновение стало серьёзным.

— Слышал. Был на похоронах. Видел вас издалека. Не стал догонять — время тогда было не для разговоров. И про Костыля знаю. Прими соболезнования, Паша. Ты всегда держался рядом со стариком.

— Спасибо, — ответил Мухин.

Тишина повисла короткая, но тяжёлая. Двор, особняк, охрана — всё это казалось декорацией к разговору, в котором слишком много недосказанного.

Кипиш первым разорвал паузу.

— Ещё успеем всё обсудить. А сейчас — в дом. Гости мои дорогие, в дом. Что же я вас на пороге держу.

Он развернулся и уверенно направился к широким дверям особняка. Мы двинулись следом, понимая, что настоящая часть встречи только начинается. И за этими стенами разговоры будут уже совсем другими.

Через какое-то время я сидел, обмотанный простынёй, и ловил то редкое, почти забытое состояние, когда тело становится лёгким, а мысли — пустыми и спокойными. Банщик от души прошёлся по мне отборными вениками, будто выбивая из костей усталость, злость и всё, что накопилось за последние месяцы. Я был распаренный, расслабленный, словно заново родился, и маленькими глотками пил ароматный, душистый чай, чувствуя, как тепло разливается по груди.

На столе стояло всё, что только можно было представить: коньяк, водка, виски, пиво. Запах алкоголя смешивался с паром и свежестью древесины. Но я твёрдо решил не портить банное наслаждение спиртным. Такие моменты редки, и тратить их на мутную голову — преступление. Чего не скажешь о моих товарищах.

Художник, развалившись на лавке, потягивал пиво с раками, причмокивал и кряхтел от удовольствия, будто старый кот, которого наконец-то накормили сметаной. А вот между Мухой и Кипишем воздух был напряжённый, почти звенящий. Их разговор сначала проходил мимо меня, но постепенно я начал вникать и понял, насколько он опасный.

— Да как же ты не поймёшь, Коля. Это очень рискованно. Ты представляешь, сколько предстоит ехать на машине? — голос Мухи звучал тихо, но в нём была та сталь, которую он обычно прятал.

— Конечно представляю, — спокойно ответил Кипиш. — Но я должен поехать с вами. Засиделся я тут. Скучно мне, Паша. И не возражай. Я всё решил. Есть ещё один аргумент в мою пользу — это твоя коронация. Я хочу быть рядом. Я выдвигал и поддержал твою кандидатуру. Муха усмехнулся, покачал головой.

— Вот умеешь же ты, Коля, найти нужные слова.

Кипиш фыркнул.

— Да и вообще, что это я у тебя разрешения спрашиваю? Я вор в законе. Моё слово — это закон.

Муха тяжело выдохнул, будто и правда получил удар.

— Всё. Положил меня на лопатки.

Они молча взяли бокалы с водкой, стукнули друг о друга и так же молча выпили, не произнеся ни одного тоста. В этой тишине было больше смысла, чем в длинных речах.

Решили выезжать утром. Поскольку алкоголь я не употреблял, руль без разговоров выпал мне. Но это завтра. А пока — можно было спокойно поесть, снова зайти в парную, вдохнуть горячий воздух и на время забыть, куда и зачем мы едем. Когда ещё выпадет такой случай? Хотя, если нас в каждом городе по маршруту будут встречать так же, есть риск, что до Хабаровска мы доберёмся не раньше, чем через месяц. И это в лучшем случае.

Утром меня разбудил уверенный, но деликатный стук в дверь. Я ещё не до конца вынырнул из сна, когда ответил, что можно войти. Однако дверь не открылась. Из-за неё мягкий женский голос сообщил, что пора вставать и завтрак уже на столе.

Ничего себе сервис, подумал я, окончательно просыпаясь. Мир, в котором меня будили не ударами по батарее и не криками, а вежливым голосом, казался почти нереальным. Я быстро оделся, чувствуя лёгкость во всём теле. Сон был глубокий, тяжёлый, настоящий. Такой, какой бывает только после дороги, хорошей бани и редкого ощущения безопасности. Похоже, я проспал часов двенадцать, не меньше. И впервые за долгое время чувствовал себя живым, а не заведённым механизмом.

За большим столом уже сидели Художник, Муха и Кипиш. Лица у них были свежие, спокойные. Вот что значит старая закалка. Когда они разошлись и сколько ещё сидели за рюмкой, я не знал. После бани меня накрыло мгновенно, и я отключился в комнате, которую мне любезно предоставили. Судя по их виду, ночь прошла бурно, но без потерь.

Я налил себе крепкого кофе, вдохнул аромат, сделал глоток и только тогда почувствовал, как возвращается привычная ясность. Вот чего мне действительно не хватало — нормального человеческого сна. Когда организм отдыхает не только телом, но и душой.

Спускаясь по лестнице, я машинально посмотрел в окно... и остановился. Рядом с домом, как два хищника, спокойно лежащие в засаде, стояли две Toyota Land Cruiser 200.

Я видел такие машины только на картинках, да изредка в городе — у людей, которые могли позволить себе не думать о завтрашнем дне. Массивные, тяжёлые, с правильными линиями кузова. В них было что-то первобытное, надёжное, как в броне средневекового рыцаря.

Неужели мне предстоит честь управлять этой легендой?

Кипиш заметил мой взгляд и усмехнулся:

— Полностью бронированные. Два брата-близнеца. Я их заранее заказал на всякий случай. Вот этот случай и подвернулся.

Муха и Художник синхронно повернули головы в сторону окна. Художник даже тихо присвистнул.

— Неплохо ты, Коля, подготовился...

В этих словах было больше уважения, чем шутки.

— Сильно не засиживайтесь. «Через час выезжаем», — сказал Муха, достал сигареты и вышел на улицу.

Когда мы подошли к машинам, я не удержался и провёл ладонью по холодному металлу. Дверь была тяжёлой, как сейф. Когда я открыл её, раздался глухой, уверенный звук. Салон пах кожей, дорогим пластиком и чем-то ещё — спокойствием.

Я сел за руль.

И в этот момент понял, почему люди готовы платить за такие вещи любые деньги.

Руль лёг в руки, как будто был сделан под меня. Высокая посадка давала ощущение контроля. Не просто над дорогой — над ситуацией. Над хаосом. Над судьбой.

Когда двигатель ожил, звук был не резкий, а глубокий, уверенный. Не рычание, а тяжёлое дыхание большого зверя.

Я почувствовал себя иначе. Не просто водителем. Командиром танка.

Эта машина не ехала — она шла. Дорога под ней не скрипела, не сопротивлялась. Она уступала. Каждая неровность сглаживалась, каждая кочка растворялась. В голове возникло странное спокойствие. Если уж мы и попадём в неприятности, этот танк на колёсах даст нам шанс.

Мы выдвинулись синхронно.

В одной машине — как и раньше: Художник рядом со мной, Муха на заднем сиденье. Впереди — Кипиш со своими людьми. Водитель-охранник и ещё один, молчаливый, как тень.

Я нажал на газ.

Тяжёлый внедорожник легко набрал скорость. Вес не ощущался. Только мощь.

Дорога до Казани была не близкой. По расчётам, при нашем темпе — около семи часов. Но впервые за долгое время путь не казался утомительным.

Иногда судьба даёт не только проблемы. Иногда — и удовольствие.

Главное, чтобы за него потом не пришлось платить слишком дорого.

Глава № 2 «КАЗАНЬ»

— Ну и сколько тебя можно ждать? — раздражённо сказал Кириллыч, даже не обернувшись, когда дверь тихо закрылась за спиной гостя.

Монах не спешил. Он остановился, оглядел помещение, отметил окна, углы, расстояния, возможные укрытия. Привычка, доведённая до автоматизма. Он сел только тогда, когда сам решил, а не когда его пригласили.

Он не чувствовал себя обязанным этому человеку. Когда смог — тогда и приехал. И так тащился через полстраны, потому что заказчику понадобилось личное присутствие. Мог бы прислать цель по телефону, перевести аванс и не устраивать театр. Но нет. Этот хотел увидеть его. Оценить. Попробовать взять на крюк. Как когда-то сделал Лоскут.

Но у этого старика на него ничего не было. Только слухи.

Монах знал себе цену. Он входил в негласную десятку лучших стрелков, способных работать на предельных дистанциях. Он был мастером ножевого боя, экспертом по рукопашке и человеком, который не ошибался дважды.

— А с какой целью вы меня ждёте? — спокойно сказал он. — И почему разговариваете в таком тоне, будто я ваш подчинённый? Я вас первый раз вижу. Надеюсь, и последний. Вы заказчик — платите деньги. После этого мы не встречаемся. Связь только по телефону.

Кириллыч усмехнулся.

— Тогда зачем ты приехал? Мог бы всё это по телефону сказать.

— Я приехал, потому что вы крупный заказчик. Хотел понять, с кем имею дело. И себя показать. Чтобы вы убедились: жив ещё Монах. И я — это я, а не кто-то, кто может выдавать себя за меня.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга.

Кириллыч кивнул.

— Ладно. Люблю профессионалов. Значит, перейдём к делу.

Он достал папку, но не открыл.

— Цель — человек по прозвищу Школьник.

Монах слегка приподнял бровь.

— Где его искать?

— Он уже в дороге.

— Куда едет?

— На восток.

Монах чуть подался вперёд.

— Конкретнее.

— Сейчас они выехали. Маршрут длинный. Казань. Пермь. Екатеринбург. Возможно, Тюмень. Омск. Новосибирск. Потом Красноярск. Чита. Иркутск. Конечная точка Хабаровск.

— Раз у цели погоняло Школьник... он что, с классом на экскурсии?

Кириллыч усмехнулся.

— Иногда. Только после его экскурсий люди в землю ложатся. И целые кладбища образуются.

— Его сопровождение?

— Есть. Люди опытные. И машины... непростые.

— Насколько непростые?

— Бронированные.

Монах задумался.

— Значит, не спешат. Уверены в безопасности.

— Именно.

— Цель едет за рулём?

— Иногда. Любит контроль.

— Это хорошо, — тихо сказал Монах. — Человек за рулём предсказуем.

Он взял паузу.

— Задача?

— Уничтожить. Без шума. Желательно так, чтобы никто не понял, кто и как. Желательно несчастный случай.

— Сроки?

— Чем быстрее, тем лучше. Но главное — результат.

— А если не получится на первом участке?

— Тогда дальше.

— А если дойдёт до Дальнего Востока?

Кириллыч холодно улыбнулся.

— Тогда это уже будет твоя проблема.

Монах медленно кивнул.

— Цена удваивается.

— Без проблем, - сказал Кириллыч.

— Половина вперёд.

— Уже готово, можно сказать у тебя на счете.

— Информация?

Кириллыч подвинул папку.

— Фото. Привычки. Охрана. Контакты.

Монах не открыл её.

— Мне нужен не только он. Мне нужен ритм его движения. Кто планирует маршрут? Где ночуют? Кто их встречает?

— Это будет, но позже.

— И ещё.

Кириллыч прищурился.

— Что?

— Я работаю один. Но если понадобится — подключу своих людей.

— Делай, как считаешь нужным.

— Тогда считайте, что заказ принят.

Он встал.

— Когда начнёшь? — спросил Кириллыч.

Монах посмотрел на часы.

— Только что начал.

Он направился к двери, но остановился.

— И ещё.

— Да?

— Если вы решили играть в долгую, не пытайтесь играть со мной.

— Это угроза?

— Это предупреждение.

Монах вышел. Кириллыч остался один.

И впервые за долгое время Кириллыч почувствовал лёгкое, неприятное ощущение, будто сам только что оказался в прицеле. Не физически — нет. Никто не целился в него через окно. Но внутри что-то дрогнуло. Инстинкт, который не раз спасал ему жизнь, тихо шепнул: осторожно.

Неприятный тип, этот Монах.

Он провёл ладонью по шее, словно проверяя, не прилип ли к коже холодок. От Монаха не веяло угрозой — он сам был угрозой. Спокойный, ровный, без лишних движений. Такие не повышают голос, не доказывают, не спорят. Они просто делают.

Кириллыч медленно закрыл папку, хотя Монах к ней даже не прикоснулся. Странно. Большинство сначала хватаются за фотографии, изучают лицо цели, задают десятки уточняющих вопросов. Этот — нет. Он уже просчитывал маршрут. Города. Дистанции. Ритм движения.

От него по коже шли мурашки, а спина покрывалась холодным потом — и не от страха, а от понимания. Такие люди не работают на кого-то. Они работают на результат. А заказчик для них — временная необходимость.

Нужно держаться от него подальше.

Никаких личных встреч после аванса. Никаких лишних разговоров. Только чёткие задачи и деньги. И желательно — не знать, где он находится и что делает. Чем меньше знаешь о хищнике, тем спокойнее спишь. Хотя... с такими всё равно спишь вполглаза.

Кириллыч подошёл к окну. На улице было тихо. Слишком тихо.

Он усмехнулся сам себе.

«Сам его позвал. Сам чуть не обделался от страха».

Но внутренний голос не унимался. Когда-то он видел похожий взгляд — у человека, который потом исчез так, будто его никогда не существовало. Без шума. Без следов.

Монах не суетился. Не торговался. Не демонстрировал силу. Он просто принял заказ.

И именно это пугало больше всего.

В кабинете зазвонил телефон, да так резко, будто выстрелил в тишину.

Кириллыч дернулся всем телом. Даже пальцы, лежавшие на столе, судорожно сжались. Напряжение после ухода киллера ещё не отпустило. Оно висело в кабинете, как густой, тяжёлый дым. Каждый звук казался опасным. Каждый шорох — чужим дыханием за спиной.

Он несколько секунд просто смотрел на аппарат.

Звонок продолжал резать тишину. Настойчиво. Нагло. Будто требовал ответа.

Кириллыч медленно поднял трубку.

— Да.

Он больше ничего не сказал. Только слушал.

На другом конце говорили спокойно, без лишних эмоций. Человек, известный только ему одному. Голос сухой, деловой. Он докладывал. Подробно. Методично.

Где был Школьник. С кем встречался. По какому маршруту двигался. Что ел. В каком отеле остановился.

Даже когда и где заходил в туалет.

Следили профессионально. Чисто. Без хвостов и ошибок. Именно так, как Кириллыч любил. Он не перебивал, лишь изредка прикрывал глаза, будто в голове складывал карту. Он хотел знать всё. До мелочей. Каждую минуту, прожитую Школьником.

Он не собирался подпускать этого человека к себе внезапно. Не хотел жить в догадках, где тот сейчас, кого уже убил и по чьему следу идёт дальше. Не хотел, чтобы однажды дверь его кабинета просто открылась... и стало поздно.

Доклад закончился. Кириллыч выдержал паузу. Секунду. Ещё одну.

— Хорошо. Принял. Следующий отчёт ровно через два часа.

Он положил трубку мягко, почти бережно.

В кабинете снова стало тихо.

Он откинулся на спинку кресла. Провёл ладонью по лицу. Напряжение никуда не ушло, но теперь в нём появилась холодная ясность.

Он посмотрел на дверь, за которой недавно исчез Монах. Потом перевёл взгляд на окно. На город. На движение, которое казалось обычным, но на самом деле давно стало шахматной доской.

Кириллыч слегка улыбнулся. Улыбка вышла кривой, хищной.

— А у меня для тебя большой сюрприз, сучонок... — тихо произнёс он в пустоту. — Надеюсь, ты его оценишь по достоинству. «Очень скоро оценишь», — прошептал он.

И в этот момент впервые за долгое время страх в его глазах сменился ожиданием.

«ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД»

В те годы в Казани имя Рината Искандарова звучало всё чаще. Особенно его прозвище — «Карат». Имя было не на афишах и не в громких новостях — его произносили с уважением,

без лишних комментариев. Он был из тех, кого старшие отмечают коротким взглядом и едва заметным кивком. Молодой, дерзкий, но с холодной, трезвой головой. В пустой беспредел не лез, слово держал, деньги считал внимательно, а людей — ещё внимательнее. В городе, где до сих пор помнили кровавые переделы девяностых и длинные списки пропавших без вести, это считалось редким качеством.

Казань жила по своим законам, сложившимся задолго до его взросления, ещё со времён группировок вроде «Тяп-Ляп» и «Хади Такташ». Ринат вырос позже, но воздух оставался прежним — плотным, пропитанным памятью о старых разборках, о долгах, которые не списываются, и о понятиях, которые не обсуждаются. Он подавал надежды. Его приглашали на серьёзные разговоры. Ему доверяли крупные суммы. Ему поручали то, что другим даже не предлагали.

И однажды он решил, что пора выходить за рамки города.

Схема выглядела простой до примитивности. Почти смешной. Но тогда подобные истории воспринимались как часть игры. Крупная партия компьютеров, телевизоров и прочей техники из-за границы. Доставка в Казань. Перепродажа через свои каналы. Быстрые, горячие деньги, которые пахнут риском и азартом.

Ринат действовал уверенно. Переговоры провёл грамотно, внёс часть предоплаты, произвёл впечатление серьёзного человека, получил товар — и исчез. Кидок прошёл чисто. Без лишнего шума. Без следов.

Он позволил себе расслабиться. Вечером собрались в любимом ресторане. Своя бригада, громкая музыка, тосты, смех. Парни хлопали его по плечу, шутили, что теперь он окончательно вошёл в высшую лигу. Ринат уже строил новые схемы и мысленно делил будущую прибыль и чувствовал себя победителем. И просчитался всего в одном.

Фирма, через которую шёл заказ, оказалась не самостоятельной. За ней стояли люди, напрямую связанные с Кириллычем. А Кириллыч к тому времени уже выстроил на Дальнем Востоке систему, больше похожую на империю. Богатый, расчётливый, терпеливый. Он покупал влияние так же легко, как другие покупают автомобили. Его имя давно звучало далеко за пределами Хабаровска и Дальнего Востока. И он не терпел, когда его трогали. «Карата» нашли быстро.

В тот самый вечер в ресторане он первым почувствовал перемену. Музыка играла, официанты двигались между столами, но в какой-то момент шум словно провалился в вату. Разговоры стихли. Воздух стал тяжёлым. Дверь открылась.

Вошли люди. Спокойные. Незнакомые. Они не размахивали оружием и не повышали голос. Просто перекрыли выходы и расставились по залу так, будто давно знали план помещения. Посетители почти ничего не поняли.

Бригада Рината вскочила одновременно. Один потянулся за ножом — его обездвигили в долю секунды, прижав к полу. Другого ударом впечатали лицом в стол. Третьего сбили с ног и удержали, не давая подняться. Лезвия холодно коснулись горла тех, кто пытался дернуться, и стало слышно только тяжёлое, частое дыхание.

Сопротивляться было бессмысленно.

Ринат понял всё сразу.

Старший из пришедших подошёл к нему и спокойно произнёс, что разговор продолжится в другом месте. Мешок на голову, пластиковые стяжки на запястья, уверенные руки по бокам. Последнее, что он услышал в Казани, — глухое дыхание своих людей и звук отодвигаемых стульев.

Дальше была дорога, шум двигателя, запах авиационного керосина, резкий холод другого города. Когда мешок сняли, он оказался в просторном кабинете с лаконичной обстановкой и тяжёлым столом у окна.

За столом сидел Кириллыч.

Он не кричал и не унижал. Он просто сказал, что Ринат должен, и начал перечислять: суммы, людей, сроки. Голос звучал ровно, без эмоций, но каждое слово ложилось тяжёлым камнем.

Ринат слушал сначала с внутренним сопротивлением, потом молча.

Кириллыч предложил два варианта: исчезнуть навсегда или работать на него. На вопрос «почему именно я» он ответил спокойно, что умные люди полезнее мёртвых, а ошибка уже совершена.

Вербовка не была резкой. Сначала долг. Потом небольшие поручения, безопасные и понятные. Затем задачи посложнее, где на кону стояли серьёзные деньги и репутация. Кириллыч не давил напрямую. Он подводил постепенно, так, что Ринат сам делал шаги, пока однажды не понял: назад пути нет. Так человека сажают на крюк — не рывком, а медленно, через деньги, информацию, доверие и действия, которые уже не позволяют выйти чистым.

Со временем Ринат стал человеком Кириллыча в Казани. Тот не просто держал его на коротком поводке, а постепенно втянул в крупные дела, дал доступ к деньгам, связям и решениям, от которых зависели целые города. Так Ринат получил своё погоняло — «Карат». Оно прижилось быстро. В нём слышалась и ценность, и холодная твёрдость. Его уважали, к нему шли за разрешением споров и за защитой. Он говорил мало, но каждое его слово имело вес. В какой-то момент ему даже начало казаться, что он держит судьбу за горло, а не наоборот.

Именно тогда он расслабился. Решил, что контролирует всё. Тайно завёл семью, скрывал её даже от своих ближайших людей, считал, что достаточно осторожен. Он не рассказывал, где они живут, не появлялся рядом с ними без необходимости, менял маршруты, проверял хвосты. Ему казалось, что он просчитал всё.

Однажды вечером он приехал в пустую квартиру. Сначала ничего не понял.

Дверь была закрыта. Замки целы.

Внутри — порядок. Слишком аккуратный.

На столе стояла чашка с недопитым чаем, в раковине лежала детская ложка, на диване — плед, который жена всегда поправляла. В комнате дочери всё было на своих местах, только не было самой дочери. Не было её рисунков на столе, не было мягкой игрушки, которую она таскала с собой даже в садик. Воздух казался холодным и чужим.

Он ходил по квартире, трогал вещи, словно надеялся, что они ответят. Позвонил жене — телефон отключён. Набрал охранника, которого тайно поставил рядом с домом, — номер не существовал. Позвонил знакомым, подключил людей, проверил камеры, дворы, дороги. Ничего.

Впервые за много лет он почувствовал настоящий страх. Не тот, который бывает на разборках или в перестрелках, а другой — тяжёлый, вязкий, когда невозможно действовать. Он метался между адресами, сам садился за руль, ездил по городу, пока не понял, что все бесполезно. Всё было слишком чисто.

Ночью зазвонил телефон.

Голос Кириллыча звучал спокойно, даже мягко. Он сообщил, что семья в безопасности, и предложил не совершать лишних движений. Сказал, что они уже за границей, под охраной, и ни в чём не будут нуждаться, пока «Карат» остаётся полезным.

Ринат молчал. Внутри всё горело, но он понимал: любая ошибка будет стоить жизни тем, ради кого он вообще жил.

После разговора он разбил телефон о стену. Потом сел на пол и долго сидел, уставившись в одну точку. Он не кричал, не плакал, но внутри словно что-то оборвалось. В ту ночь он впервые понял, что не свободен. Что все годы он работал не ради власти, а ради чужой игры.

Он пытался действовать. Проверял людей Кириллыча, искал слабые места, поднимал старые связи. Но везде наталкивался на пустоту. Всё было продумано заранее. Жена и дочь жили на вилле у моря, под постоянной охраной. Им покупали всё, что они хотели, их возили

по городу, девочку устроили в русскоязычную школу. Снаружи это выглядело как роскошная жизнь, но, по сути, это была клетка.

Каждый вечер он смотрел на фотографии дочери, на короткие видеозвонки, где она улыбалась и рассказывала о школе, не понимая, почему папа не приезжает. Жена держалась, говорила спокойно, но в её глазах он видел страх и немой вопрос.

Он жил с этим годами. Работал, расширял влияние, решал вопросы, поднимался всё выше. Снаружи он становился сильнее, внутри — всё больше зависел. Он понимал, что долг за старую историю давно закрыт. Он заработал для Кириллыча огромные деньги, привёл людей, построил сеть. Он мог уйти в любой момент, если бы не этот рычаг.

Иногда ему казалось, что он найдёт способ освободить их. Он просчитывал планы, перебирал варианты, но каждый раз понимал: малейший промах — и всё закончится. Кириллыч знал его лучше, чем кто-либо. Знал, где нажать.

Со временем «Карат» научился жить с этим грузом. Он стал ещё холоднее, ещё жёстче. Люди видели в нём спокойную уверенность, но никто не знал, что каждое его решение проходит через мысль о семье. Он понимал, что однажды придётся выбирать между властью и теми, ради кого он вообще начал этот путь.

И каждый раз, когда он смотрел в зеркало, он видел не смотрящего по Татарстану, а человека, который слишком поздно понял цену своей ошибки.

— «Так мало пройдено дорог, так много сделано ошибок», — написал когда-то Сергей Есенин.

Эти слова вдруг всплыли у него в голове сами собой, без всякой причины. Он не любил поэзию, не цитировал классиков, да и в его мире за такие вещи обычно не хвалили. Но фраза легла точно в сердце, как выстрел, от которого уже не увернуться.

Ринат долго сидел в тишине, глядя в темноту за окном. Город жил своей жизнью: машины проносились по ночным улицам, где-то смеялись люди, горели окна, кто-то возвращался домой. А у него дома больше не было. Был только пустой воздух, в котором эхом звучали детский смех и тихий голос жены.

Он прокрутил свою жизнь, словно старую плёнку. Казань, первые драки, первая кровь, первые деньги. Друзья, которые исчезли, враги, которых уже не было. Решения, принятые на холодную голову. И одно — принятое на эмоциях. Самое главное.

Он думал, что контролирует всё. Что сильнее обстоятельств. Что может играть по своим правилам. Но правда оказалась проще и жестче: каждый шаг, сделанный ради власти, постепенно лишал его свободы.

Ринат усмехнулся, но улыбка вышла пустой.

— Ошибок, значит...

Он медленно провёл рукой по лицу, словно стирал с него усталость. В его мире за ошибки платили не деньгами и не временем. За них платили близкими.

Где-то далеко, у тёплого моря, его дочь, возможно, в этот момент тоже учила стихи. Может быть, даже те же самые. Он представил, как она запинаясь на длинных словах, как жена поправляет её, как они смеются.

И от этой мысли стало ещё тяжелее.

Он понимал, что дорога впереди будет короткой и опасной. Но назад пути уже не существовало. Потому что в его жизни было действительно мало дорог. И слишком много ошибок.

«НАШЕ ВРЕМЯ»

Телефон звонил долго, настойчиво, будто знал, что на том конце не хотят брать трубку. Ринат смотрел на экран и чувствовал, как внутри медленно поднимается тяжёлая тревога. Он знал, кто звонит. И знал, что этот разговор ничего хорошего не принесёт. Ответил не потому,

что хотел, а потому что выбора не было. На линии был Кириллыч — человек, которого Ринат ненавидел глубоко, почти физически, до ломоты в висках.

Голос Кириллыча звучал спокойно и ровно. Без нажима, без угроз — именно так, как умеют говорить люди, которым не нужно повышать тон, чтобы их услышали. Он коротко изложил задачу: подставить Школьника любым способом. Сыграть двойную роль. Сделать шаг, после которого дороги назад уже не останется. Организовать всё так, чтобы Школьник сначала потерял опору, затем — репутацию, а если получится, то и жизнь.

У Рината пересохло во рту. Он побледнел, опёрся ладонью о стол, будто пол под ним начал уходить. Он просил, объяснял, почти умолял. Говорил, что в Казань едут серьёзные люди, что они рассчитывают на него, доверяют ему. Голос предательски срывался, слова путались, дыхание стало частым, и он вдруг поймал себя на том, что начинает заикаться, как мальчишка на экзамене. Он не хотел становиться предателем. Не хотел пачкать своё имя окончательно.

На том конце линии повисло долгое молчание. А потом голос стал ещё мягче.

Кириллыч напомнил о вилле на Средиземном море. О доме, где все эти годы жили жена и дочь Рината. Там было всё: охрана, дорогие машины, русскоязычная школа, солнце, чистый воздух и безопасность. Они ни в чём не нуждались. Кроме одного — свободы. Они жили в золотой клетке, двери которой открывались только по команде.

Если поручение не будет выполнено, всё закончится в тот же день. Без лишнего шума. Без предупреждений.

Ринат закрыл глаза. Его просьбы теперь звучали глухо и бессмысленно, словно слова человека, который уже слышит приговор.

Кириллыч говорил без злобы. Почти участливо. Как врач, сообщающий пациенту о неизлечимом диагнозе. Он напомнил, что именно Ринат сам когда-то дал ему этот рычаг. Нарушил негласный закон, позволил себе семью, близких, слабость. А в их мире слабость — это не человеческое качество, а точка прицела.

Связь оборвалась.

Ринат ещё долго сидел неподвижно, глядя в стену. Он отчётливо понял: прежняя жизнь закончилась. Осталась только обязанность и страх за тех, кого он любил. Где-то далеко, у тёплого моря, его дочь, не подозревая ни о чём, писала школьное сочинение о будущем. О планах, о мечтах. И это будущее теперь зависело не от её старания, а от решения отца.

А у отца выбора не было. Классическая вилка. Не исполнишь приказ — жену и дочь убьют. Выполнишь — сам окажешься под ножами. Эти люди не простят предательства. Они едут к нему, доверяя, а он должен будет встретить их и провести туда, где их уже ждёт чужая воля.

«Лучше самому в петлю, чем так», — мелькнула мысль. Но она тут же погасла. О каком честном имени можно говорить, если ты уже зависишь от другого человека? Для авторитета это хуже смерти. Если воры узнают, что у него есть уязвимость, спрос будет жёсткий и закономерный. Нарушил закон — отвечай. Позволил найти слабое место — расплачивайся.

— Рузиль, зайди ко мне, — негромко произнёс Ринат.

Через несколько минут в кабинет вошёл невысокий мужчина лет сорока. Плечи широкие, шея мощная, мышцы проступают даже через плотный свитер. Он двигался спокойно, но в каждом шаге чувствовалась тяжесть и сила.

Ринат мельком посмотрел на него и, стараясь придать голосу привычную ироничность, спросил:

— Слушай, тебе не кажется, что человеческое тело всё-таки имеет предел? Ты футболку сам надеть можешь или уже нужен ассистент?

Рузиль прищурился.

— Мы это обсуждали. Это моё тело и моё здоровье. Если нужен худой помощник — скажи, подберу.

— Да не кипятись. Шучу. Ты меня полностью устраиваешь. И, кстати, не похож на тех, у кого в голове вместо мыслей спортивное питание.

Рузиль лишь усмехнулся. Он давно привык к подколам. Ринат не знал, сколько лет тот выстраивал себя — по кирпичику, по тренировке, по надрыву. Сколько железа было поднято, сколько раз он падал под штангой и вставал снова. Он был не просто любителем зала, а мастером спорта международного класса по пауэрлифтингу, двукратным чемпионом мира, многократным чемпионом страны. За внешней массивностью скрывались дисциплина и холодный расчёт.

— Всё готово к встрече гостей? — спросил Ринат, возвращаясь к делу.

— Особняк готов. Охрана усилена на подъездах и внутри. Персонал на местах: повара, официанты, уборщицы, банщик. Ждут сигнала. Элитные шлюхи тоже наготове, не работают, ждут команды.

— Машина сопровождения?

— На позиции. Встретим и доведём без лишнего шума. Я отвечаю за всё.

Ринат кивнул, но напряжение не уходило.

— Ты понимаешь, кто к нам едет? Кипиш, Муха и Школьник. О их турне сейчас говорит вся страна. Школьник вообще, возведен в ранг святых.

— Ты тоже не последний человек в этом списке, — спокойно ответил Рузиль. — Статус у тебя не ниже. Муха ещё не коронован, но, насколько понимаю, они едут через всю страну именно за этим?

— Верно. Коронация в Хабаровске. Так было решено ещё при Костыле. Это его последняя воля.

— Тогда объясни, почему такой маршрут? Почему не провести всё здесь?

— Потому что место определено давно. А дорога — из-за Школьника. Он в федеральном розыске. Самолёты, поезда — не для него. Только машина.

Рузиль покачал головой.

— Мог бы остаться в Москве.

— Не мог. Для Мухи он больше, чем брат. Почти сын. Школьник не пропустит такую коронацию. Даже если бы его попросили остаться, он бы всё равно поехал. Тайком, наперекор.

— За такое ведь наказывают.

— Наказывают. Но ты помнишь историю в Питере? Когда ему приказали ждать в Москве, а он рванул и вытащил Муху и Художника из рук «Ковчеха». У него на неприятности особое чутьё. Будто внутри мотор работает. На месте не сидится.

Ринат замолчал. За окном сгущались сумерки. Впереди была встреча, от которой зависело слишком многое. И каждая минута приближала момент, когда ему придётся сделать шаг, после которого никто уже не сможет назвать его прежним именем.

«ЧУЖАЯ ВСТРЕЧА»

Мы подъезжали к Казани. Город проступал из утренней дымки медленно и величественно, а над всем этим, как белый корабль на холме, поднимался Казанский кремль. Даже издалека он выглядел внушительно — стены, башни, строгие линии, будто напоминание о том, что здесь испокон веков умели держать оборону.

Я вёл внедорожник уже который час подряд и сам удивлялся, что усталости почти не чувствую. Только лёгкое притупление от бесконечной трассы, которая, казалось, въехала в глаза и продолжала тянуться даже тогда, когда я моргал. Дорога мерещилась впереди ровной серой лентой, уходящей в никуда. Художник большую часть пути спал, откинувшись в кресле

и уткнувшись в ворот куртки, будто экономил силы перед чем-то важным. Павел Игнатьевич, напротив, не замолкал ни на минуту. Телефон почти прирос к его руке.

Он разговаривал со своим человеком, оставшимся в Хабаровске за старшего. Судя по тону, дела там шли не так гладко, как хотелось бы. Помощник путался, оправдывался, и с каждой минутой голос Мухина становился жёстче. Он не кричал, но в нём появлялась такая металлическая нотка, от которой становилось не по себе. В какой-то момент он даже тихо застонал от злости, стиснул зубы и продолжил раздавать указания короткими, рублеными фразами.

Закончив разговор, он откинулся на сиденье и произнёс:

— Совсем распоясались без меня. Стоило на время уехать, как шакалы повылазили и начали рвать добычу.

Эта фраза предназначалась мне. Он по-прежнему относился ко мне с уважением, принял моё решение выйти из этой безумной гонки, но я чувствовал — в глубине души он всё ещё надеется, что я одумаюсь и стану рядом, перенимая его опыт управления не только городом, но и целым краем.

— Что за шакалы? — спросил я, не отрывая взгляда от дороги.

— Чёрные. Стоит только дать слабину — налетают стаей. Я не про наших чеченцев, дагестанцев или ингушей, у которых российский статус и свои понятия. Я про тех, кто приезжает сюда и ведёт себя так, будто здесь филиал их родины. Армяне, грузины, узбеки, таджики. Такое ощущение, что у них там центральный офис, а работать и зарабатывать они приезжают к нам.

Я усмехнулся.

— Есть такое. Только у тебя иностранцы, а у меня свои же россияне пытаются всё отжать. Мало им сфер влияния дома — лезут к нам. Ничего против них не имею, но нельзя же так. Приходят без разговоров, без предупреждений. Захватили рынок или предприятие — и объявили себя хозяевами. Работать никто не хочет, всем подавай быстрые деньги. Потом ещё друг перед другом хвастаются, у кого машина дороже и девушка эффектнее.

Муха посмотрел на меня внимательно.

— Наслышан я про твою бойню в лесном городке. Говорят, больше двадцати кавказцев тогда легло.

Я кивнул.

— Если точно, двадцать три. Сивый уже в машине пересчитал, когда мы их в дом занесли. Нужно было собрать всех вместе, чтобы огонь сделал своё дело и не оставил лишних следов.

В салоне повисла тишина. Двигатель глухо урчал, колёса мягко шуршали по асфальту.

— Тебе не говорили, что ты псих? — спросил Муха спокойно. — Тебе в боксе всю голову отбили?

Я усмехнулся.

— Секрет открою, только не смейся. Боксом я занимался не так долго. Пару серьёзных боёв, кандидат в мастера спорта. Ты же помнишь, как тогда поставил меня с Евгением Сергеевичем на огромные деньги. Потому что я помял людей Татарина. Кстати, где он сейчас?

— Там, откуда не возвращаются, — ответил Муха тихо.

Я на секунду отвлёкся от дороги и посмотрел в зеркало заднего вида. Он смотрел на меня через то же зеркало. Взгляд тяжёлый, неподвижный. Было видно, что решение далось ему непросто, но он его принял и назад не оглядывался.

Я вернул внимание на трассу.

— Так вот, после того случая я на ринг больше не выходил. Так что голову мне отбили не в боксе. Всё самое серьёзное было в подпольных боях. Там не за медали дерутся. Там за жизнь. И когда понимаешь, что второго раунда может не быть, начинаешь думать быстрее, бить точнее и не оставлять никому шанса подняться.

Наш разговор оборвался внезапно.

В салоне коротко треснула рация, и сухой, собранный голос из машины Кипиша прорезал тишину. Они видят встречающую группу. Контакт установлен. Следуем за ними.

Я машинально сбросил скорость и крепче сжал руль. Впереди, у съезда с трассы, уже вырисовывались силуэты нескольких автомобилей. Стояли грамотно — так, чтобы перекрыть обзор посторонним и при этом самим держать под контролем дорогу. Никакой суеты, никаких лишних движений. Только холодный расчёт.

Из динамика снова донеслось: - не терять бдительность, смотреть в оба.

Я кивнул, хотя меня никто не видел. Художник окончательно проснулся и приподнялся в кресле, оглядывая обочину и зеркала. Павел Игнатьевич замолчал, убрал телефон и чуть подался вперёд, будто хотел лучше рассмотреть встречающих через лобовое стекло.

Машины впереди тронулись плавно, без рывков. Мы встали им в хвост. Дистанция — выверенная, чтобы успеть среагировать, если что-то пойдёт не так.

В такие моменты город уже не казался мирным. Даже величественный кремль в стороне выглядел не символом истории, а декорацией к партии, где каждый ход может стать последним.

Я перевёл взгляд с дороги на зеркала и обратно. В такие минуты не бывает мелочей. Один лишний автомобиль, одна резкая остановка, один неверный поворот — и спокойная встреча превращается в бойню.

Колонна набрала скорость и уверенно повела нас вглубь Казани. А я чувствовал, как внутри медленно собирается привычная холодная концентрация. Всё только начиналось.

— А тот, кто нас встречает, ему можно верить? — спросил я, не отрывая взгляда от дороги.

Асфальт тянулся вперёд длинной серой лентой, а за окном мелькали редкие посадки и придорожные столбы. Дорога убаюкивала, но внутри всё равно сидело неприятное чувство — такое бывает, когда едешь навстречу человеку, которого никогда не видел, но от которого может зависеть слишком многое.

— «Карат» зарекомендовал себя правильным и уважаемым человеком. «Мутных дел за ним не имелось», — спокойно сказал Мухин.

Он говорил как обычно — без лишних эмоций, словно читает короткую справку из досье.

— Ага... Или вы просто не смогли их найти, — хмыкнул я.

Мухин чуть повернул голову и на секунду посмотрел на меня. Не зло, не обиженно — скорее устало. Как человек, который уже слишком много лет слушает подобные сомнения.

— Послушай меня внимательно, Федя. «Карат» — вор правильный. Его короновали по понятиям, а не как какого-нибудь апельсина на скорую руку. За ним стоят люди, которые не стали бы рисковать своей репутацией.

Он сделал паузу, будто собираясь с мыслями, затем продолжил уже чуть тише:

— Поэтому у меня нет оснований не доверять человеку, который вписался в наш приём и сам вызвался сопроводить нас по всему участку дороги.

Машина мягко покачнулась на стыке плит.

— До самого Ижевска он будет рядом. А там... — Мухин кивнул куда-то вперёд, будто уже видел эту дорогу на много километров вперёд.

— В Ижевске мы останавливаться не будем. Пройдём его ходом и сразу возьмём курс на Пермь.

Я молча кивнул и снова уставился на дорогу.

Слова словами...

Но интуиция у меня была как старый сторожевой пёс — если начинала тихо рычать, значит где-то рядом обязательно пряталась неприятность.

Мы шли плотной, собранной группой и вскоре вышли на закрытую территорию давно заброшенного пионерского лагеря. Название «Здоровье» я успел зацепить лишь краем взгляда — выцветшая вывеска висела криво, словно сама устала ждать тех, для кого когда-то была

важна. По дороге сюда мелькали дачи, редкие дома, а за ними открывалась широкая, спокойная Волга. Вид был почти мирный, даже красивый — и от этого внутри становилось только напряжённее, будто эта картинка существовала не для нас.

У массивных ворот стоял охранник. Камуфляж, балаклава, бронежилет, поверх него — разгрузка, набитая запасными магазинами. На бедре — кобура, из которой уверенно выглядывала рукоятка пистолета. В руках — укороченный автомат Калашникова. Он стоял неподвижно, как будто врос в землю, но взгляд под балаклавой цеплял каждое движение.

— Павел Игнатьевич, нам обязательно здесь останавливаться? Почему не гостиница — отдохнули бы спокойно, заправились и дальше пошли, — сказал я, не отрываясь от дороги, хотя внутри уже глухо стучало беспокойство.

— Это обычное гостеприимство, — спокойно ответил Муха. — Мы хоть и проехали всего часов шесть, силы ещё есть, но я хочу до Перми идти без остановок. Надо передохнуть.

От его спокойствия легче не стало.

— Я один это чувствую? «Или у кого-то ещё внутри всё на пределе?» — спросил я, оглядываясь.

— Есть такое, — тихо сказал Художник. — Непокойно.

— Отставить, — отрезал Муха. — Всё нормально.

Но сказал он это так, что стало только хуже.

Мы подъехали к зданию, вокруг которого по периметру стояли вооружённые бойцы. Полная экипировка, слаженные движения, жёсткие взгляды. Создавалось ощущение, что здесь охраняют не заброшенный лагерь, а нечто куда более ценное и опасное. Из здания вышли несколько человек и направились к нам.

— Привет честной народ, — сказал один из них.

— «Карат», это что за место? «Заброшенный лагерь?» — спросил Кипиш, и в его голосе я уловил ту же настороженность, что сидела во мне.

Карат не ответил сразу. Я успел внимательно его рассмотреть. Лет сорок пять, может чуть больше. Короткая стрижка, залысины, крепкое тело без лишнего жира. В нём чувствовалась уверенность человека, который привык контролировать всё вокруг.

Но взгляд цеплялся не за него.

Рядом стоял другой. Ниже ростом, но настолько массивный, что казалось — шея ему просто не нужна. Плечи раздвигали пространство, руки — как трубы, плотные, тяжёлые. Джинсы на нём выглядели странно, будто ткань просто не рассчитана на такую форму. Он стоял спокойно, но от него веяло силой, которую не нужно было демонстрировать.

— Это моя территория, — наконец сказал Карат. — Закрытая. Для таких встреч. Чтобы удивить, пообщаться... отдохнуть.

— Удивить получилось ещё по дороге, — спокойно ответил Муха.

Они обменялись крепкими рукопожатиями и, будто мы перестали существовать, направились в здание. Домом его назвать было сложно — скорее бывшая администрация лагеря: два этажа, много окон, пустые глазницы стекол, за которыми теперь жила совсем другая жизнь.

Нас туда не пустили.

Дорогу преградил тот самый массивный боец. Он коротко объяснил, что для нас подготовлены отдельные помещения. Голос у него был ровный, без лишних эмоций, но спорить с таким не хотелось.

Мы обошли здание, и за ним открылись аккуратные коттеджи. Слишком уютные для такого места. Слишком новые для всего остального вокруг. Художнику указали на один, меня отвели в соседний. Сказали располагаться, отдыхать. Когда будет еда — позовут. Или можно заказать прямо сюда.

Коттедж оказался одноэтажным: отдельная спальня с кондиционером, небольшая кухня, санузел. Всё чисто, аккуратно, продумано.

Слишком аккуратно.

Я медленно прошёлся взглядом по комнате, не делая резких движений, проверяя углы, потолок, технику, мелкие детали. Искал камеры, скрытые датчики, любые признаки чужого контроля.

Визуально — пусто.

Но ощущение, что за тобой всё равно наблюдают, никуда не делось.

Я попытался открыть окно, но оно не поддалось. Рама даже не дрогнула, словно её намертво вварили в бетон, и от этого простого факта внутри стало неприятно холодно. Я тут же побежал к входной двери — та же ситуация. Ручка не шла, замок молчал, и с каждой секундой становилось всё яснее: нас сюда не просто привезли, нас сюда посадили. Дверь была закрыта на какой-то электронный замок скрытого монтажа, без щелей, без шансов подцепить или выбить с ходу. Нас очень грамотно разделили друг от друга, и теперь каждый из нас оказался в своей коробке, отрезанный от остальных.

Я медленно отошёл от двери, прислушиваясь. Тишина стояла плотная, неестественная, будто звук здесь тоже держали под контролем. Ни шагов за стеной, ни голосов, ни намёка на присутствие людей. Только глухое напряжение, которое нарастало внутри, как перед чем-то неизбежным. Я снова подошёл к окну, провёл пальцами по раме, по стеклу, по откосам — ничего. Всё выглядело обычным, но ощущалось чужим, как будто это место заранее подогнали под одну задачу.

И в какой-то момент я уловил это.

Сначала — едва заметный запах. Лёгкий, почти неуловимый, будто кто-то пролил что-то химическое в соседней комнате. Я замер, сделал вдох глубже — и понял, что не ошибся. Воздух изменился. Он стал плотнее, тяжелее, будто в нём появилось что-то лишнее. Я резко развернулся к двери, ударил в неё плечом, потом кулаком, без особой надежды, но уже с нарастающим раздражением. Ответа не было.

Запах усиливался.

В висках глухо застучало, в груди появилось неприятное давление. Я сделал ещё шаг, потом ещё, стараясь держаться на ногах ровно, но пространство будто поплыло, стало мягким, ненадёжным. Мысль пришла сразу, холодная и ясная: газ.

Я рванул к окну ещё раз, попытался выбить стекло локтем, но удар вышел слабым, будто рука больше не слушалась. Воздух уже не просто давил — он тянул вниз, затягивал, как густая вода. Я вдохнул ещё раз и тут же пожалел об этом: в голове вспыхнула короткая вспышка, как от перегрузки, и всё вокруг начало терять резкость.

Я отступил на шаг, упёрся ладонью в стену, пытаясь удержать равновесие. Сердце билось чаще, но с каждым ударом становилось тяжелее. Взгляд цеплялся за детали — стол, дверную ручку, тень от окна — и тут же соскальзывал, будто мозг не успевал за происходящим.

Последнее, что я успел подумать, было простым и злым: нас не просто закрыли — нас убирают.

Ноги подогнулись неожиданно легко. Я ещё попытался удержаться, сделать шаг, но тело уже не слушалось. Пол встретил быстро и глухо. Сознание уходило так же стремительно, как и пришло понимание происходящего. Мир сжался до узкой полосы, в которой остался только тяжёлый воздух и собственное дыхание, становящееся всё тише.

Потом стало темно.

Глава № 3 «ЛОВУШКА ЗАХЛОПНУЛАСЬ»

Не знаю, сколько прошло времени. Я с трудом приоткрыл глаза, и мир передо мной расплылся, словно его накрыли мутной плёнкой. Контуров предметов плыли, не складываясь в чёткую картину, и я не мог понять, где нахожусь — в том же коттедже или уже где-то внизу, в

холодном и тесном подвале. Ощущение пространства исчезло, осталась только вязкая неопределённость.

Голова раскалывалась так, будто внутри неё медленно проворачивали что-то тяжёлое и тупое. Во рту стояла сухость, язык прилипал к нёбу, а дыхание давалось с усилием, словно воздух по-прежнему был чужим. Я попытался пошевелиться, но тело отозвалось с задержкой, неохотно, как после сильного удара.

Голову было трудно оторвать от пола. Казалось, её придавили чем-то массивным, невидимым, и любое движение требовало усилия, на которое у меня почти не оставалось сил. Я сжал зубы, медленно упёрся ладонями и попытался приподняться, но мир тут же качнулся, поплыл сильнее, и в висках снова глухо застучало.

Сознание возвращалось рывками, будто меня вытаскивали из глубины не до конца. Я задержал дыхание, прислушался к тишине вокруг и почувствовал, как вместе с болью начинает подниматься другое чувство — холодное, цепкое.

Я был жив и это самое главное.

В чувство меня вернул сильный удар в солнечное сплетение. Воздух вышибло резко и глубоко, будто изнутри вырвали опору, и я понял — били ногой, били точно и без лишних сомнений. Боль пришла сразу, тяжёлая и вязкая, расползлась по телу, возвращая сознание быстрее любого крика. А раз есть боль — значит, я жив и скоро приду в форму.

Я сделал короткий, рваный вдох, стиснул зубы и попытался собраться, удержать мысли в одной линии. Нужно было понять, что происходит: чья это работа — чья-то самодеятельность или за этим стоит Кириллыч, который снова играет свою игру, не оставляя лишних следов. В голове медленно выстраивалась цепочка, но пока она больше напоминала обрывки, чем ясную картину.

Не менее важно было другое — где сейчас Муха и Художник. Их тоже должны были вырубить, развести по разным точкам, и теперь каждый из нас мог оказаться в своей ловушке. Эта мысль зацепилась и не отпускала, заставляя держаться, не проваливаться обратно в темноту.

Я лежал, чувствуя, как тело постепенно возвращает контроль, и внутри появилась знакомая холодная ясность. Чуйка не подвела — она сработала вовремя, как и всегда. Только вот теперь это уже не имело значения: всё, что должно было случиться, уже случилось.

И странно, но тревога исчезла. Индикатор внутри замолчал, будто выгорел до нуля. Значит дальше — только действие и весьма решительные.

Они ещё не знают, с кем связались. Во мне медленно поднималась жёсткая, холодная решимость: доведу до конца, не дам слабину и никого не пожалею. Пусть потом не удивляются тому, что сами же и запустили. Вот тебе и гостеприимство, вот тебе и показное уважение — пустые слова, за которыми скрывалась совсем другая игра. Плевать хотел «Карат» на всё это, и теперь это стало очевидно и до боли ясно.

Но одной злости было мало. Нужно было понять, что им движет, ради чего он пошёл на такой шаг. Это не выглядело как импульс или ошибка — слишком всё было выстроено, слишком аккуратно нас развели и закрыли. Значит, решение было принято заранее, и за ним стояло нечто большее, чем простая прихоть.

Я медленно втянул воздух, стараясь унять боль и привести мысли в порядок. Если «Карат» решил сыграть против нас, то он должен был понимать, чем это для него закончится. Ему грозит «деревянный макинтош». Люди такое не прощают, и последствия всегда находят своего адресата. Возникает только один вопрос: что должно было перевесить страх перед этим?

Ответа пока не было. Но я был уверен в одном — как только появится возможность действовать, я ей воспользуюсь. И тогда всё встанет на свои места.

Я попытался снова подняться с пола и даже сумел принять позу Лотоса, стараясь собрать мысли и сосредоточить тело. Но едва успел успокоиться, как в область груди прилетел удар

такой силы, что дыхание вырвалось наружу рывком. Меня резко отбросило спиной к стене, и затылок с глухим стуком встретил что-то твёрдое. Мир рванулся и потек, глаза снова потемнели, сознание ушло, словно его вытащили наружу, и я в очередной раз отключился.

В себя я приходил медленно, будто выныривал из вязкой, тягучей темноты, которая не спешила отпускать. Приоткрыв веки, я не увидел ничего — ни контуров, ни теней, ни малейшего намёка на свет. Глухая, плотная чернота давила со всех сторон. Я резко зашевелился и только тогда понял, что руки больше не связаны. Это означало одно — меня уже перетащили. Куда-то. В другое место.

Я машинально потянулся к затылку, и тут же скривился от тупой, расплзающейся боли. Пальцы наткнулись на липкие, спутанные волосы. Кровь. Значит, рассекло меня знатно, не царапина — нормальный такой разрыв, с запасом. Я на секунду замер, пытаюсь понять главное — ослеп я или просто оказался в такой темноте, где свет даже не предполагается. Ни одного луча, ни малейшей щели, словно меня закопали заживо.

Я поднялся, пошатываясь, и вытянул руки перед собой. Пальцы упёрлись в холодную поверхность. Стена. Я двинулся вдоль неё, медленно, шаг за шагом, считая расстояние и прислушиваясь к каждому шороху. Помещение оказалось небольшим — я довольно быстро обошёл его по кругу. Где-то впереди рука наткнулась на металл. Ручка. Дверь.

Я тут же опустился на пол, прижался щекой к холодной поверхности и повернул голову так, чтобы ухо оказалось ближе к щели. Сквозь неё пробивалось едва заметное движение воздуха — слабое, почти неуловимое, но живое. Значит, снаружи есть пространство. Есть воздух. Но почему тогда такая глухая тьма, будто меня закрыли в коробке без единого зазора?

И тут меня накрыло ощущение, от которого внутри стало неприятно холодно. Дежавю. Я уже был здесь. Не в этом месте — в этой ситуации. Перед глазами всплыл Китай, Харбин, тот проклятый подвал, где меня держал Кириллыч. Три месяца, вырванные из жизни, проведённые в темноте, среди сырости и собственного дыхания.

Сценарий повторялся с пугающей точностью. А повторяют, как известно, только то, что уже однажды сработало. Это был его почерк — без лишнего шума, без суеты, холодно и методично. Я даже не сомневался: за всем этим стоит Кириллыч. А значит, казанский авторитет «Карат» сидит у него на крючке. Вопрос только в том, на каком именно — деньги, страх, семья или что-то ещё, куда глубже и грязнее. Но это уже задача на потом. Если будет это «потом».

Мысли перескочили на другое. Муха. Художник. Где они сейчас? Живы ли вообще? В груди неприятно кольнуло. Я надеялся, что их не тронули. Хотя надежда в таких делах — вещь почти декоративная.

Время растянулось в бесконечную резину. Я сидел, прислонившись к стене, слушал собственное дыхание и редкие удары сердца в висках. Часов шесть прошло или весь день — сказать было невозможно. Здесь не было времени, только ожидание.

А потом свет ударил внезапно, как выстрел. Я инстинктивно закрыл глаза рукой, зашипел и отвернулся. Даже сквозь веки он резал, будто кто-то включил прожектор прямо в лицо. Постепенно я приоткрыл глаза, давая им привыкнуть, и начал осматриваться.

Помещение оказалось похоже на контейнер. Узкое, вытянутое, с жёсткими стенами и глухим потолком. Только не металл — дерево. Плотное, грубо сбитое, как ящик для груза, который не жалко уронить.

Я провёл взглядом по углам и усмехнулся краем губ. Морской контейнер без моря. Ни качки, ни звуков, ни запаха соли. Значит, я под землёй. Бункер. Этим и объясняется вся эта абсолютная темнота, в которой даже свету не за что зацепиться.

Интересно, что дальше. Вода, еда — без этого долго не протянуть. Про остальное даже думать не хотелось. Или они решили сыграть в долгую — просто закрыть меня здесь и подождать, пока организм сам сдастся. Без лишней крови, без шума, без свидетелей.

Если цель — убрать меня, не касаясь руками, то схема выбрана почти идеально. Усыпить газом, лишить движения, запереть и оставить. Всё чисто, тихо и без следов. Почти профессионально.

Почти.

Я медленно выдохнул и провёл языком по пересохшим губам. Во рту стоял металлический привкус, словно я глотал ржавчину. Организм уже начинал напоминать, что время здесь работает против меня, а не на меня.

Я поднялся и снова прошёлся вдоль стен, на этот раз внимательнее, с холодной головой. Доски были подогнаны плотно, но не идеально — где-то чувствовались щели, едва заметные, больше на уровне ощущений, чем зрения. Я постучал костяшками пальцев — звук глухой, плотный. Снаружи, судя по всему, либо земля, либо ещё один слой конструкции.

Дверь выглядела единственным слабым местом. Я подошёл к ней, провёл ладонью по поверхности, нашёл ручку, попробовал провернуть — безрезультатно. Закрыто. С той стороны. Без сюрпризов.

Я упёрся лбом в дерево и на секунду прикрыл глаза. В голове уже начинала выстраиваться простая и неприятная картина: меня не просто изолировали — меня исключили из игры.

Я сжал зубы и резко ударил плечом в дверь. Дерево отозвалось глухим ударом, но не поддалось. Ещё раз. И ещё. Боль отозвалась в теле мгновенно, но злость оказалась сильнее. В какой-то момент я остановился, тяжело дыша, и усмехнулся.

Глупо. Если бы всё было так просто, меня бы не запирали.

Я отошёл и сел на пол, привалившись спиной к стене. Нужно было думать, а не ломиться, как в первый раз. Кириллыч не из тех, кто делает что-то вполсилы. Если он закрыл меня здесь, значит, уверен, что я не выберусь. А я не люблю, когда кто-то в чём-то уверен за мой счёт.

Взгляд снова упал на щель под дверью. Едва заметная, но она была. Я лёг на живот, приблизил лицо и стал всматриваться. Снаружи — ничего. Ни теней, ни движения.

Я задержал дыхание и прислушался. Сначала — тишина. Потом... где-то очень далеко, почти на грани восприятия, что-то глухо ударило. Металл? Дверь? Или просто эхо в голове?

Я замер. Через несколько секунд — снова. Такой же звук, только чуть отчётливее. Значит, я здесь не один. Или, по крайней мере, не в полном вакууме. Где-то рядом есть жизнь. Или работа. Или такие же, как я.

Я медленно поднялся, ощущая, как тело начинает наливаться тяжестью. Голова гудела, рана пульсировала, но сознание, наоборот, становилось яснее. Это всегда так — когда прижимает, лишнее отваливается, остаётся только суть.

— Ну что, Кириллыч... — тихо проговорил я, глядя на дверь. — Посмотрим, кто кого переждёт.

Я отошёл в угол, сел так, чтобы видеть и дверь, и всё помещение сразу. Экономить силы — первое правило. Второе — не паниковать. Паника здесь убивает быстрее, чем голод.

Время снова потянулось, но теперь я уже не просто ждал. Я слушал. Ловил каждый звук, каждое изменение воздуха. И где-то внутри, под усталостью и болью, медленно разгоралось знакомое чувство — холодное, цепкое, как сталь.

Меня заперли. Ошибка только в одном — оставили в живых.

«ТЫ ДЕБИЛ?»

— Ты дебил? Вот ответ мне честно — ты дебил? — голос Кириллыча рвал пространство, будто не по телефону шёл, а прямо из-за спины, с хрипом, срываясь на злую, почти животную ярость.

— Да что не так-то? — Ринат отодвинул трубку от уха, поморщился и бросил взгляд в сторону, словно надеялся, что крик стихнет сам собой. Но тот только усиливался, разгоняясь, как мотор на пределе.

Кириллыч не просто злился — его несло. В голосе не было пауз, не было сомнений, только давящая, вязкая агрессия, от которой становилось не по себе даже через динамик.

Рузиль, сидевший напротив, всё прекрасно слышал. Он не знал, кто именно на том конце, но понимал главное — так с Ринатом не разговаривают. Не при жизни. Не если не хотят потом объясняться. Его мощные плечи чуть напряглись, челюсть сжалась, а на лице появилась кривая, недовольная гримаса. Взгляд стал тяжёлым, оценивающим, как у человека, который уже мысленно прикидывает расстояние и последствия.

Ринат же держался. Внешне спокойно, даже с лёгкой раздражённой усталостью, но внутри уже начинало закипать. Он не любил, когда на него давят. Тем более так — в открытую, без тормозов, будто он мальчик на побегушках, а не человек, за которым стоят люди и слово.

— Я тебя спрашиваю, ты вообще думал, что делаешь? — Кириллыч резко понизил голос, но от этого он стал только тяжелее, как перед ударом. — Или тебе уже всё равно, кто там и как после тебя разгребать будет?

Ринат медленно провёл ладонью по лицу, собирая мысли в кулак. В комнате повисло напряжение — густое, осязаемое, как перед грозой. Даже воздух будто стал плотнее.

Рузиль чуть подался вперёд, не сводя взгляда с Рината. В его глазах читался немой вопрос, но вмешиваться он не спешил. Пока.

— Говори нормально, — наконец тихо, но жёстко ответил Ринат, возвращая трубку к уху. — Без крика. Тогда, может, и пойму, что тебя так разнесло.

На секунду повисла пауза. Короткая, но напряжённая, как натянутая струна. И в этой паузе стало ясно — дальше разговор пойдёт уже совсем на другом уровне.

— Ты зачем его посадил на привязь? У тебя был шанс закрыть вопрос тихо, без лишнего шума, без лишних глаз. Сменил бы газ — и Школьник уже был бы в земле, а все мои задачи решены. Но нет. Тебя зачем-то потянуло играть. Он тебе что, дорог стал? Я дал чёткий приказ — подставить или убрать. Где здесь было место для фантазии?

— Послушай меня внимательно, — голос «Карата» стал холодным, собранным, без лишних эмоций. — Во-первых, не разговаривай со мной так. Во-вторых, ты находишься за тысячи километров и не понимаешь, что происходит на месте. И в-третьих, решения здесь принимаю я.

И я сам решу, как мне действовать.

На другом конце повисла короткая пауза, в которой уже не было крика, но чувствовалось напряжение — плотное, как перед разрядом.

— Как скажешь, — наконец ответил Кириллыч, и в его голосе появилась сухая, неприятная ровность. — Задача у тебя есть. Мне не важно, каким способом ты её закроешь. Я больше не хочу слышать о Школьнике.

Связь оборвалась резко, без прощаний.

Кириллыч ещё некоторое время смотрел на телефон, будто тот мог что-то добавить к сказанному. Внутри медленно поднималось раздражение, смешанное с пониманием: всё пошло не так. Совсем не так, как он рассчитывал.

Он знал, с кем имеет дело. Школьник не был тем, кого можно просто оставить в коробке и забыть. Слишком живучий, слишком упрямый, слишком опасный, чтобы рассчитывать на случай.

Мысль пришла неожиданно, как вспышка. А что, если раскрыть «Карату» чуть больше? Намекнуть на то, что Школьник — не совсем обычный противник. Возможно, это заставит его действовать аккуратнее, убрать из головы лишнюю самоуверенность и, наконец, прислушаться.

Кириллыч медленно провёл языком по губам и едва заметно покачал головой.

Неееее.

Губы сами растянулись в тонкую, почти довольную улыбку. В этой игре лучше оставить всё как есть. Пусть «Карат» действует вслепую. Пусть считает, что контролирует ситуацию.

Если он справится — вопрос будет закрыт. А если нет...

Тогда Школьник сделает всё сам. Быстро, жёстко, без лишних разговоров. И вместе с «Каратом» посыплется всё его окружение.

И вот тогда на сцене появится другой человек. Тот, кто не ошибается. Тот, кто доводит начатое до конца.

Монах.

Кириллыч откинулся на спинку кресла, глядя в пустоту перед собой. Картина складывалась всё чётче, почти красиво в своей жестокости.

В любом исходе он оставался в плюсе.

А значит, можно было просто немного подождать.

«МОНАХ»

Выяснять, кто такой «Карат», долго не пришлось — это имя в этих краях знали слишком хорошо. Любой уважающий себя бизнесмен или барыга рано или поздно проходил через его руки: сделки, споры, делёж — всё шло с его ведома и под его молчаливым одобрением. Потоки денег текли ровно, без сбоев, и доля «на общее» отчислялась так же исправно, как часы. О том, что в город должны приехать несколько воров, знали единицы. Остальные чувствовали это кожей — напряжение в воздухе становилось гуще, как перед грозой.

Монах не тратил время на догадки. Он знал: они скоро будут здесь. Вопрос был только в том, где именно их искать и кто первым выйдет из тени. Найти штаб-квартиру «Карата» оказалось делом техники. Оставалось главное — ждать. Устроившись в неприметной машине, он растворился в окружающем фоне и стал частью улицы. За время, проведённое в Казани, он собрал всё, что было нужно: фотографии, привычки, маршруты. «Карат» и его верный телохранитель Рузиль по прозвищу «Амбал» должны были рано или поздно появиться. И тогда начнётся настоящая работа.

Ожидание не подвело. Спустя некоторое время к офису медленно подкатил массивный чёрный внедорожник. Дверь открылась, и наружу выбрался «Амбал» — тяжёлый, уверенный, словно кусок скалы, сорвавшийся с места. Он не оглядывался, не суетился, просто вошёл внутрь, как хозяин. Этого было достаточно. Цель появилась, и вместе с ней исчезла неопределённость. Монах поймал след — и теперь держал его, как хищник, не позволяя ни малейшей слабости.

Прошёл примерно час. Двери офиса снова открылись, и на улицу вышли уже двое — «Карат» и «Амбал». Они сели в машину, и почти сразу за ними двинулся ещё один автомобиль сопровождения. Монах тронулся следом, но держал дистанцию. Он работал чисто, без лишнего риска: где-то гасил фары перед поворотом, где-то, наоборот, добавлял в салон яркую деталь, чтобы изменить силуэт машины в зеркалах заднего вида. Он не лип к хвосту, не давил — просто держал их в поле зрения, словно невидимая тень, которая всегда рядом, но никогда не попадает в свет.

Город остался позади. Дорога потянулась через дачные посёлки, редкие деревни, пустые участки земли. Машины шли уверенно, не сбавляя темпа. В какой-то момент колонна свернула на узкую дорогу, больше похожую на забытую тропу. Монах выждал паузу и последовал за ними. Пыль легла, звук моторов растворился, и впереди показался старый пионерский лагерь. Вывеска покосилась, краска облупилась — место выглядело мёртвым, но слишком уж аккуратно для заброшенного.

Он не стал подъезжать вплотную. Свернул в сторону, оставил машину в тени деревьев и дальше пошёл пешком, взяв с собой рюкзак. Винтовку он не брал — она ждала своего часа в надёжном схроне. Сейчас ему хватало бинокля, хорошей оптики и проверенного пистолета с глушителем. У ворот он сразу заметил камеры. Работали они чётко, без слепых зон. Пришлось уйти в лес, раствориться между деревьями и двигаться дальше, осторожно, почти бесшумно.

Забор вокруг лагеря был высоким, крепким, явно не для вида. Монах обошёл территорию по кругу, выискивая точку, откуда можно было бы видеть всё, что происходит внутри. Подходящее место нашлось на возвышенности, но даже оттуда обзор оставался неполным. Пришлось подниматься выше. Он выбрал массивное дерево, забрался наверх и устроился так, чтобы ветви скрывали его силуэт. Отсюда лагерь лежал как на ладони.

Движение внутри не прекращалось. «Амбал» метался между постройками, отдавал короткие распоряжения, собирал людей в группы. Его фигуру невозможно было перепутать ни с кем — он выделялся даже среди своих. Через оптику всё было видно чётко: оружие, экипировка, напряжённые лица. Люди были готовы к бою, и это чувствовалось в каждом их движении. Они не просто ждали — они готовились.

Группа бойцов под руководством «Амбала» прошла к открытой площадке. Рядом стоял контейнеровоз с установленным краном — машина, способная сама грузить и выгружать тяжёлые конструкции. Чуть в стороне угадывался контур металлического контейнера, утопленного в землю почти полностью. С поверхности он был почти незаметен. Всё выглядело так, будто в нужный момент контейнер поднимут, погрузят и увезут, не оставив следов.

Картина складывалась слишком чётко. Это была не случайная находка и не склад. Это была ловушка. И предназначалась она явно не для кого-то случайного. Монах не спешил с выводами, но внутреннее чувство уже подсказывало ответ. В таких местах не готовят пустые конструкции. Здесь всё делается под конкретного человека.

Оставалось ждать. Он не сводил глаз с лагеря, не позволяя себе расслабиться ни на секунду. Время тянулось медленно. День сменился ночью, ночь — туманным предрассветным часом. Тело ныло от неподвижности, но разум оставался ясным. Чтобы не дать себе застыть, он разминался прямо на ветке — короткие упражнения, чёткие движения. Пара кусочков горького шоколада помогала держать концентрацию.

И только в середине дня ожидание было вознаграждено. На горизонте появились машины. Тяжёлые, бронированные, знакомые по ориентировкам. Они двигались уверенно, без суеты, как люди, которые знают, куда едут и зачем.

Монах сменил бинокль на антибликовую оптику и сосредоточился. Два чёрных внедорожника остановились у бывшего административного здания. Из них начали выходить люди. Многие были ему незнакомы, но это не имело значения. Одного он узнал сразу — Мухин. Лицо, профиль, манера держаться — всё было давно изучено. Когда-то именно через него проходила цепочка, приведшая Монаха к ликвидации «Костыля».

Затем его взгляд остановился на другом человеке. Он вышел чуть позже, спокойно, без лишних движений. Монах задержал на нём внимание дольше, чем на остальных. Перед ним стоял тот самый человек, о котором говорили слишком много, чтобы это было просто легендой. Фёдор. Школьник.

Он выглядел старше своих лет — лицо, на котором время оставило больше следов, чем должно было. Шрам на все лицо. Жёсткий взгляд, собранность в каждом движении, внутренняя усталость, спрятанная глубоко внутри. Жизнь прошла по нему тяжело и без скидок, и это читалось сразу. Монах запоминал каждую деталь: осанку, жесты, ритм шага. Ему хватало одного взгляда, чтобы сохранить человека в памяти навсегда.

Мухин, в сопровождении «Карата» и вора в законе «Кипиша», неспешно прошёл в административное здание. Всё выглядело буднично, почти официально — как будто приехали обсу-

дить контракт, а не делить живых людей на удобные куски. А вот Школьника вместе с седым мужиком повели в сторону коттеджей. Развели, как и положено — без лишнего шума и суеты.

Седого завели в ближайший домик, быстро и без церемоний. Школьника же «Амбал» лично сопровождал ко второму. Дверь открылась, пропустила внутрь и так же спокойно закрылась за спиной. Щёлкнул замок — коротко, почти вежливо.

Школьник оказался внутри один.

Монах уже лежал в позиции, наблюдая за коттеджем через оптику. Окно было как на ладони — чистый угол, без помех. Он терпеливо выжидал, не двигаясь, словно сам стал частью холодного воздуха вокруг. Через несколько секунд занавеска едва заметно дёрнулась, и в проёме мелькнуло лицо Школьника. Быстро, настороженно. Тот явно не расслаблялся — взгляд цепкий, движения резкие. Похоже, первым делом решил проверить окно.

Монах чуть сместил прицел, переводя внимание на входную дверь. Ручка. Вот сейчас всё станет ясно.

Если человек внутри чувствует подвох — он идёт к выходу. Это всегда так. Инстинкт сильнее любых договорённостей.

И вот — едва заметное движение.

Ручка дёрнулась.

Сначала один раз, будто на пробу. Потом ещё. Уже с усилием, с нарастающим напряжением. Дверь не поддавалась. Металл остался глух и равнодушен к чужой воле. Ручка задвигалась чаще, нервнее — короткая вспышка борьбы, запертая в нескольких квадратных метрах.

И вдруг всё стихло.

Ни движения, ни тени.

Монах медленно выдохнул, не отрывая глаза от прицела.

— Чисто сработано... — пробормотал он себе под нос.

«Карат» сыграл грамотно. Развёл всех по отдельным клеткам, не дав ни малейшего шанса на координацию. Всё тихо, аккуратно, без лишней крови. Как будто не люди — фигуры на доске.

Но держать такого, как Школьник, просто запертым — это не про осторожность. Это про план.

Монах чуть прищурился, прокручивая в голове варианты. Слишком опасный зверь, чтобы оставлять его в сознании. Слишком непредсказуемый, чтобы пытаться разговаривать на равных.

Значит... Усыпить.

Он едва заметно кивнул сам себе, будто поставил точку.

— Конечно... — тихо произнёс он. — Всё проще, чем кажется. Газ.

Они заперли его в коттедже и пустили усыпляющий газ.

Монах медленно повёл стволом оптики в сторону, отрываясь от безмолвного коттеджа. Там не происходило ничего — тишина стояла такая, будто домик вымер. Ни движения, ни намёка на жизнь. Как будто внутри и не было человека вовсе. Зато жизнь кипела чуть дальше.

Его взгляд зацепился за контейнер, зарытый в землю по самую крышу. Металлическая коробка, ничем не примечательная, таких здесь было десятки. Но именно к контейнеру в земле вдруг быстро подбежал один из бойцов. Двигался он уверенно, без лишних жестов, как человек, выполняющий давно отработанное действие.

Он ловко вскарабкался наверх, стукнув ботинками по рёбрам жёсткости, и, не теряя ни секунды, откинул верхний люк.

Монах чуть подался вперёд, прижимаясь к окуляру. В оптике всё стало чётким, почти осязаемым.

Боец наклонился внутрь, и на мгновение в его руках мелькнули предметы — один за другим. Пара коробок армейского сухпайка. Бутылки с водой. И пластиковое ведро.

Короткий, будничный набор для человека, которому предстоит провести время взаперти. Монах замер.

А потом едва заметно усмехнулся.

— Ну конечно... — выдохнул он.

Всё встало на свои места мгновенно, как будто кто-то щёлкнул выключателем в голове. Школьник уже не в коттедже. Он в контейнере. Но как?..

Монах снова перевёл взгляд на домик, словно проверяя сам себя. Всё было так же тихо. За всё это время к нему никто не подходил. Ни одного движения, ни одной лишней тени.

Значит... Туннель.

Подземный ход, заранее подготовленный, выверенный до мелочей. Вход в коттедже, выход — где-то под контейнерной площадкой. Чисто, быстро, без шансов что-то заметить со стороны.

Монах тихо хмыкнул.

— А ты хорош, Карат...

Это уже был не просто план — это была постановка. С декорациями, с паузами, с правильными акцентами.

Он быстро прокрутил ситуацию в голове. Значит, что имеем.

Школьника аккуратно завели в ловушку. Дали понять, что он заперт. Включили газ — чтобы не сопротивлялся, не ломал схему. И пока тот терял сознание, его уже уводили вниз, под землю, в заранее подготовленный коридор. А дальше — контейнер. Закрытый, неприметный, готовый к отправке. Куда? Вот это уже вопрос. Пока — неизвестно.

Но самое интересное даже не это.

Монах чуть прищурился, наблюдая, как боец захлопывает люк и быстро подходит к машине.

Самое интересное начнётся позже. Через час. Может, через два. Когда Мухин поймёт, что Школьник исчез. Вот тогда начнётся настоящее представление.

Как Карат будет выкручиваться? Какие лица наденут все эти люди? Кто будет первым «искать», кто — «переживать», а кто — тихо отводить взгляд?

Спектакль.

Грязный, но отрепетированный. Сначала они вывезут контейнер. Спокойно, без суеты. А потом начнётся шоу — поиски, догадки, разговоры вполголоса.

«Куда он делся?..» «Может, сам ушёл?..» «Надо проверить территорию...»

Монах даже скривился от этой мысли.

— Артисты... — пробормотал он.

Он уже хотел было вернуть взгляд к коттеджу, но не успел. Глухо заурчал двигатель.

На площадке плавно начал свою работу кран-манипулятор. Медленно, почти бесшумно он опустил механизм к контейнеру, как хищник, который точно знает, что добыча никуда не денется.

Стрела поднялась. Крюк лёг на крепления. Металл тихо скрипнул. Контейнер оторвался от земли.

Монах внимательно следил за каждым движением. Всё происходило аккуратно, без спешки, но с той уверенностью, которая выдаёт заранее отрепетированную операцию.

Контейнер подняли, перенесли и мягко опустили на платформу грузовика.

Фиксация. Пара быстрых движений. И всё готово к отправке.

Грузовик тронулся почти сразу, не давая лишнего времени на раздумья. Он пошёл не к основным воротам, а в сторону, по узкой дороге, скрытой от лишних глаз.

Окольный путь. Ну разумеется.

Монах проводил его взглядом до тех пор, пока машина не приблизилась к другим воротам лагеря. Те уже были открыты — заранее, без лишней возни. Ещё несколько секунд и контейнер исчез за пределами территории.

Тишина снова накрыла площадку, будто ничего и не происходило.

Монах ещё пару мгновений сидел неподвижно, затем медленно оторвался от оптики.

— Ну что ж... поехали, — тихо сказал он сам себе.

Он аккуратно спустился с дерева, двигаясь быстро, но без лишнего шума. Земля под ногами пружинила, ветки едва слышно трещали, но он уже не скрывался так тщательно — время наблюдения закончилось, началась работа.

Он быстрым шагом направился к своему автомобилю. Дорога отсюда была всего одна.

И спешить действительно не было смысла. Контейнеровоз тяжёлый, неповоротливый. Он не сможет уйти далеко. А вот на своей легковушке Монах его догонит быстро. Очень быстро.

Но дальше всё пошло не просто не по плану — всё пошло наперекосяк, ломая даже самую логику происходящего. «Карат» снова удивил, причём так, что Монах впервые за долгие годы по-настоящему растерялся, на секунду потеряв привычную холодную ясность. Это было редкое состояние, почти забытое, и оттого особенно неприятное.

Когда Монах догнал контейнеровоз, тот уже вышел на федеральную трассу и уверенно держал курс в сторону Набережных Челнов. Движение было ровным, без суеты, как у человека, который точно знает, что его никто не тронет. Дорога шла через открытую местность — ни леса, ни укрытий, лишь голое пространство, простреливаемое взглядом на километры вперёд. Любая ошибка здесь сразу бросалась бы в глаза.

Монах держался на расстоянии, не приближаясь, не давая повода насторожиться. Машина шла мягко, почти растворяясь в потоке, если его вообще можно было назвать потоком на этой пустынной трассе.

И вдруг контейнеровоз начал сбрасывать скорость.

Сначала плавно, будто водитель просто решил передохнуть. Потом резче. Машина ушла вправо и, не доезжая до каких-либо населённых пунктов или развязок, свернула с дороги.

Монах напрягся.

— Не по плану... — тихо пробормотал он.

Он аккуратно притормозил, оставляя между собой и грузовиком приличную дистанцию, и остановился так, чтобы не светиться на прямой линии обзора. Дальше он уже наблюдал.

Водитель контейнеровоза оказался не просто опытным — он был хладнокровен. Машина остановилась в заранее выбранной точке. Без лишних движений он вышел, обошёл платформу и начал снимать крепления контейнера. Всё делалось быстро, но без суеты, словно каждая секунда была заранее рассчитана.

Рядом появился сопровождающий боец. Они работали молча, понимая друг друга с полужеста.

Контейнер освободили. И замерли.

Ожидание повисло в воздухе, густое, как перед грозой.

Минут через пятнадцать Монах услышал звук.

Сначала едва уловимый, на грани восприятия. Потом — отчётливый, нарастающий гул, который невозможно перепутать ни с чем. Он замер.

Вертушка.

Этот звук врезался в память навсегда. Афган. Чечня. Там он означал разное — иногда спасение, иногда смерть. Но всегда — надежду, перемешанную с тревогой.

Монах медленно поднял взгляд вверх.

Грузовой вертолёт вышел из-за горизонта и быстро набрал позицию прямо над контейнеровозом. Он завис в воздухе, тяжёлый, мощный, словно хищная птица, готовая схватить добычу.

Снизу из его чрева полетели тросы.

Водитель и боец тут же ожили. Они действовали чётко, без лишних слов — подхватили тросы, зацепили контейнер, проверили крепления. Всё заняло считанные минуты.

Один из них поднял голову и коротко махнул. Сигнал принят.

Вертолёт плавно натянул тросы. Металл скрипнул, контейнер дрогнул и оторвался от земли. Сначала медленно, словно не желая покидать поверхность, потом увереннее.

Монах наблюдал, не мигая. Контейнер поднимался. Вертолёт тоже. Они вышли на безопасную высоту.

И в этот момент машина с лопастями резко изменила характер движения — вместо зависания она рванула вперёд, набирая скорость так, будто спешила стереть за собой сам факт своего появления.

И тут Монах понял.

Он даже коротко усмехнулся, но в этой усмешке не было радости — только признание чужого мастерства.

— Ах вот ты какой... Ринат Искандаров по прозвищу «Карат» — тихо сказал он.

«Карат» одним ходом обрубил все возможные хвосты. Ни трасса, ни машины, ни случайные свидетели теперь уже ничего не значили. Контейнер ушёл в небо — и вместе с ним исчез Школьник. Ищи теперь. Куда он полетел?

Монах быстро прокрутил карту в голове, сверяя направление. Вектор был очевиден — в сторону Набережных Челнов, Нижнекамска, дальше — на Ижевск и прилегающие районы. Пространства там хватало, спрятать можно было что угодно и где угодно. Догнать вертолёт? Даже не смешно.

Значит, остаётся другое.

Он медленно выдохнул, возвращая себе привычное состояние.

— Ладно... играем дальше.

Теперь начнётся второй акт. Тот самый спектакль, где каждый будет играть свою роль. Где «Карат» будет изображать удивление, «Амбал» — участие, а остальные — суету и поиски.

Именно там можно будет зацепиться.

Монах завёл двигатель, не спеша разворачивая машину.

Чуйка не подводила его никогда. А сейчас она буквально кричала: «Карат» не просто избежал от Школьника — он оставил его в живых.

Зачем?

Вопрос был слишком жирный, чтобы его игнорировать. А если оставил — значит, поедет к нему.

Рано или поздно. И вот тогда его можно будет взять. Начиналась настоящая работа. Та самая, где ошибка стоит времени, а время — жизни.

Упустишь «Карата» — упустишь след.

Упустишь след — потеряешь Школьника.

А это было недопустимо. Монах чуть сжал руль, и в его взгляде мелькнуло холодное, почти личное. Убить его должен был он. И никто другой. Машина мягко развернулась и легла на обратный курс.

Он возвращался в пионерский лагерь.

«РУЗИЛЬ – АМБАЛ»

Рузиль Валеев не любил вспоминать детство, хотя именно там всё и началось. Небольшой промышленный город, серые дома, дворы, где мальчишки выросли быстрее, чем успевали понять, что происходит вокруг. Отец пропадал на сменах, мать тянула дом и старалась держать

семью в каком-то подобии порядка. Денег не хватало, разговоры о будущем звучали пусто, а настоящего хватало с избытком.

Он рос невысоким, коренастым и на первый взгляд ничем не примечательным. Таких во дворе было десятки. Но уже тогда в нём чувствовалась странная, не по возрасту тяжёлая собранность. Он редко говорил, ещё реже смеялся, зато умел терпеть. Его пытались задеть, проверить, продавить — обычная дворовая иерархия. Рузиль не искал конфликтов, но, если они находили его, отступать он не умел. Он мог проиграть, но никогда не сдавался, и именно это постепенно отбило у окружающих желание испытывать его на прочность.

Настоящий поворот случился, когда он впервые оказался в подвальном зале. Старые штанги, облезлые блины, запах металла и пота. Там не было красивых разговоров о здоровье и фигуре. Там люди строили силу — грубую, прямую, без лишних объяснений. Рузиль вошёл туда случайно, но остался надолго.

Сначала он работал молча, наблюдая за старшими. Потом начал прибавлять. У него быстро проявилось то, что не купишь и не натренируешь до конца — упрямство, доведённое до предела. Он не гнался за эффектом, он терпел. День за днём, подход за подходом, не позволяя себе срываться и искать оправдания.

Пауэрлифтинг стал для него не просто спортом, а способом существования. Через тяжёлые веса он выстраивал себя заново, словно собирал изнутри более крепкую версию человека, которой не страшны ни боль, ни давление. Соревнования шли одно за другим. Сначала местные, потом региональные. Его заметили, дали возможность тренироваться на более серьёзном уровне.

Он не упустил этот шанс.

Звание мастера спорта он взял уверенно, без лишнего шума. А затем, шаг за шагом, дошёл до уровня мастера спорта международного класса. Для человека из его среды это было почти невозможным, но он никогда не воспринимал это как подвиг. Для него это был результат работы, которую он просто не имел права бросить.

Со стороны он выглядел непривычно. Невысокий рост делал его фигуру ещё более плотной, почти перегруженной мышцами. Казалось, что это уже перебор, что так не должно выглядеть человеческое тело. Но в движении становилось понятно — в этой массе нет ни грамма лишнего. Всё подчинено силе, контролю и мгновенной реакции.

Со временем спорт перестал быть единственным источником жизни. Появились деньги, предложения, знакомства. Сначала он работал в охране, затем стал сопровождать людей, которые предпочитали не светиться и не задавать лишних вопросов. Рузиль быстро понял правила этой игры и принял их без лишних раздумий. Он не лез вперёд, не пытался выделиться. Он просто делал работу, и делал её так, что его начали замечать.

Встреча с «Каратом» произошла без пафоса и лишних слов. Короткий разговор, внимательный взгляд, несколько простых вопросов, на которые Рузиль ответил спокойно и по делу. Его не проверяли на силу — её и так было видно. Проверяли другое — выдержку, реакцию, способность держать себя в руках.

Он подошёл.

Сначала ему давали небольшие задачи. Ситуации, где важнее не сила удара, а точность решения. Он не ошибался. Не спорил. Не задавал вопросов там, где они были неуместны. Постепенно его начали подпускать ближе.

Решающим стал один из эпизодов, когда обычная встреча резко вышла из-под контроля. Напряжение сорвалось в действие, и всё могло закончиться плохо для всех присутствующих. Но Рузиль сработал быстрее остальных. Он не дал ситуации развернуться, пресёк угрозу в самом начале, жёстко и окончательно. Без лишнего шума, без показной агрессии, но так, что сомнений ни у кого не осталось.

После этого «Карат» сделал выбор.

С того момента Рузиль Валеев стал его постоянным человеком. Не просто бойцом, а тем, кто всегда рядом. Тем, кто чувствует обстановку раньше, чем она становится опасной. Тем, кто не нуждается в лишних указаниях.

Прозвище «Амбал» закрепилось за ним окончательно. Оно подходило ему внешне, но не раскрывалось полностью. За массивной фигурой скрывался человек с жёсткой внутренней дисциплиной и чётким пониманием границ. Он не стремился к власти, не искал признания. Его устраивала роль опоры — тихой, но надёжной.

Он продолжал тренироваться, как и раньше, словно ничего не изменилось. Железо оставалось его точкой равновесия, местом, где всё было честно и понятно. Там не было двойных смыслов, там результат зависел только от тебя.

К «Карату» он относился без лишних слов, но с полной включённостью. Это была не слепая преданность и не страх. Скорее, осознанный выбор человека, который нашёл своё место и не собирался его менять.

В мире, где всё держится на временных договорённостях, такие, как Рузиль Валеев, становятся редкостью. Они не делают громких заявлений, не оставляют после себя лишнего шума. Но именно на них держатся конструкции, которые снаружи кажутся непоколебимыми.

В последнее время Рузиль всё чаще ловил себя на том, что «Карат» меняется. Снаружи всё оставалось прежним — тот же собранный взгляд, та же уверенная манера держаться, спокойствие, выверенное до мелочей. Но внутри что-то сдвинулось. Это не бросалось в глаза посторонним, но для того, кто находился рядом постоянно, перемены были очевидны и тревожны.

Началось всё после одного известия.

По своим каналам «Карат» получил информацию, что через Казань будут проходить воры. Люди серьёзные, в бегах, за которыми уже тянулся след тех, с кем лучше не пересекаться даже случайно. Им нужно было укрыться, перевести дух, переждать и двинуться дальше — в сторону Перми, под прикрытием и сопровождением.

Сама по себе ситуация не выбивалась из привычной картины. Через Казань проходили и не такие фигуры. Бывали сходы, после которых ещё долго шли разговоры по всей стране. И тогда «Карат» оставался тем же — спокойным, уверенным, контролирующим каждый шаг.

Но сейчас всё было иначе.

Он нервничал. Не показывал этого прямо, не позволял себе срывов, но это чувствовалось в деталях. В том, как он делал паузы там, где раньше действовал сразу. В лишних движениях, в коротких зависаниях, будто он снова и снова прокручивал один и тот же вариант развития событий.

А ведь речь шла всего лишь о Кипише и Мухе.

Кипиш — фигура понятная, давно в системе. Муха — претендент, человек на подходе, но ничего такого, что могло бы выбить из колеи «Карата».

И всё же с ними ехал ещё один. Школьник.

Имя, которое в последнее время звучало слишком часто. Про него говорили везде — и те, кто действительно знал, и те, кто просто хотел выглядеть осведомлённым. История у него была с зазубринами, с мутными моментами, но официально его оправдали. Малявы приходили, потом исчезали, и в итоге он остался на плаву. Рузиль не раз прокручивал это в голове. Может, дело в нём?

Но каждый раз отбрасывал эту мысль. «Карат» не из тех, кто станет переживать из-за молодого, пусть даже с громким именем. За его спиной были зоны, не одна, и корона, полученная там, где её просто так не дают. Его уважение не нуждалось в подтверждении. Тогда в чём причина?

Ответ начал вырисовываться после одного эпизода, свидетелем которого Рузиль стал случайно. Разговор. Тяжёлый, неприятный.

Кто-то неизвестный говорил с «Каратом» в тоне, который переходил границы. Не просто жёстко — с явным давлением, почти с унижением. И самое странное было в том, что «Карат» это принимал. Не обрывал, не ставил человека на место. Рузиль тогда промолчал. Просто зафиксировал.

А уже на следующий день «Карат» сам его вызвал.

Разговор проходил в закрытом помещении, без лишних ушей. Всё было чётко, без подготовки, без лишних слов.

— Ну ты знаешь, что приезжают воры? — спокойно спросил он, глядя прямо в глаза.

— Конечно, — так же ровно ответил Рузиль.

«Карат» чуть подался вперёд.

— Тогда я хочу услышать от тебя одно. Ты мне предан? Пойдёшь со мной до конца? Секреты держать умеешь?

Вопросы звучали просто, но за ними стояло гораздо больше.

Рузиль выдержал взгляд.

— До самой смерти, босс. Но я тебя последнее время не узнаю. Ты будто на пределе.

«Карат» на секунду замолчал, будто взвешивая, стоит ли идти дальше.

— Вот об этом я и хотел поговорить.

Он начал рассказывать.

Коротко, без лишних деталей, но так, что всё становилось на свои места. Про Кириллыча. Про ошибку молодости, когда он впервые оказался на крюке. Тогда ещё казалось, что это временно, что можно выбраться. Не получилось.

Потом была вторая ошибка. Уже серьёзнее. Уже с семьёй. И тогда крюк вошёл глубже, окончательно. А теперь Кириллыч вернулся.

И тот разговор, который Рузиль слышал, оказался не просто давлением — это был приказ. Чёткий и холодный. Убрать Школьника.

Или подставить так, чтобы его убрали другие.

Иначе будут последствия и такие, о которых даже думать не хотелось. Речь шла о семье «Карата».

Когда он закончил, в комнате стало тихо.

Рузиль слушал, не перебивая. Внутри у него шёл свой расчёт. Холодный, без эмоций.

Ворам не положено иметь семью. Это правило знали все. Нарушаешь — рано или поздно прилетает ответ. И этот ответ пришёл точно, без промаха. Он это понимал. Но вслух сказал другое.

— Я с тобой до конца. И выход найдём.

«Карат» внимательно посмотрел на него, словно проверяя каждое слово.

Сомнений не было.

Они появились позже, уже внутри Рузиля. Но не как слабость, а как задача, которую нужно решить.

И решение пришло. Не сразу, но чётко.

Пионерский лагерь.

Территория, о которой «Карат» не знал во всех деталях. Рузиль выкупил её давно, тихо, через подставных людей. Привёл в порядок, но не для отдыха и не для бизнеса. Это была база для подготовки. Для отработки сценариев, где цена ошибки — жизнь.

Там было всё. Коттеджи, оборудованные под разные задачи, включая системы с усыпляющим газом. Подземные ходы, соединяющие здания и выходящие в неожиданных точках. Настоящие лабиринты, где можно было потеряться, даже имея схему.

И это было не просто его личным проектом.

Базу периодически использовали спецслужбы. Учения, освобождение заложников, зачистка объектов. Рузиль предоставлял территорию, получая взамен не только деньги, но и

доступ к технологиям, которые в обычной жизни не достать. Он держал это в тени. До нужного момента.

И момент настал.

План сложился. Жёсткий, рискованный, но точный.

Когда Рузиль изложил его «Карату», тот впервые за последние дни выглядел не растерянным, а собранным.

Именно с этого всё и началось.

Самое главное в этом плане было даже не то, как взять Школьника, а как его удержать и вывести так, чтобы не осталось ни одного хвоста. И здесь Рузиль сразу предложил решение, которое не оставляло лишних следов.

Контейнер.

Но не просто вывезти по земле, где всегда есть риск слежки, случайных свидетелей или лишних глаз. Нет. Его нужно было поднять в воздух и увести от греха подальше, туда, где никакие дороги уже не имеют значения.

Когда эта мысль прозвучала, «Карат» сначала задумался, а затем кивнул, будто сам к ней уже подходил.

— По воздуху... — медленно повторил он. — Это правильно.

Но дальше вставал главный вопрос.

Куда?

Ответ пришёл почти одновременно.

Они переглянулись, и в следующую секунду оба, почти в унисон, выдали одно и то же слово:

— Заповедник.

Тишина в комнате на мгновение стала плотной, почти осязаемой.

А потом «Карат» улыбнулся, и в его глазах впервые за долгое время появилось что-то живое, даже азартное.

Он хорошо помнил это место.

Так называемый заповедник, который к обычному лесу не имел никакого отношения. Это был закрытый клуб, в который входили люди совсем другого уровня — депутаты, чиновники, силовики. Не столичные тяжеловесы, а свои, местные: Казань, Ижевск, Пермь, Чувашия. Те, у кого аппетиты были не меньше, а иногда и грязнее.

Хозяиничал там человек по прозвищу Желчь. В прошлом десантник, списанный со службы, но не потерявший ни хватки, ни привычки доводить дело до конца. Прозвище у него было странное, но к нему быстро привыкаешь, когда понимаешь, с кем имеешь дело.

Суть этого клуба была проста и одновременно чудовищна.

На территории закрытого, тщательно охраняемого заповедника собирались эти самые уважаемые люди. Вооружались, как на войну, и выходили на охоту.

Только дичь там была не совсем обычной.

Формально — да, люди, которых подбирали заранее. Те, кто уже потерялся в жизни, кто никому не нужен. Их использовали как массовку, как фон для происходящего.

Но главный интерес всегда был в другом. В той самой цели, ради которой и собирался весь этот спектакль. Человек, которого нужно убрать. Не просто ликвидировать, а превратить его смерть в развлечение. Причина могла быть любой — конфликт, обида, чужая прихоть. Решение принималось быстро, а дальше начиналась игра. Игра, в которой у жертвы был шанс.

Небольшой, почти призрачный, но всё же шанс.

Именно это больше всего и разогревало тех, кто выходил на эту охоту. Они гнались не просто за телом, а за сопротивлением, за борьбой, за попыткой выжить.

Иногда «Карат» сам участвовал в этих выездах. Надевал экипировку, садился на квадроцикл, за спиной автомат, в кармане компактное оружие на случай ближнего контакта. Он не был там главным, но чувствовал себя уверенно, как в любой другой ситуации.

После охоты всё превращалось в праздник. Закрытая территория, полная безопасность, дорогие удовольствия, алкоголь, еда, женщины. Всё это шло как естественное продолжение того, что происходило днём.

Рузиль тоже бывал там вместе с ним. Не часто, но достаточно, чтобы понимать, как всё устроено.

И теперь это место снова всплыло в их разговоре.

— Туда его и увезём, — тихо сказал «Карат», уже не сомневаясь.

Рузиль кивнул. Логика была железная. Там никто не задаёт лишних вопросов. Там всё под контролем. Там человек исчезает окончательно, без следа и лишнего шума.

А главное — туда невозможно дотянуться со стороны. «Карат» уже доставал телефон.

Взгляд у него стал другим. Жёстким, сосредоточенным, с тем холодным огнём, который появлялся только тогда, когда он принимал решение и шёл до конца.

Он набрал номер. Желчь должен был ответить.

Потому что такие вещи не откладываются. И он ответил.

— Привет, Желчь. У меня для тебя есть занятная добыча. Не простая — с характером. Доставят ее в закрытом контейнере, по воздуху, — спокойно сказал «Карат» и перевел звонок на громкую связь, чтобы каждое слово услышал «Амбал».

На другом конце линии послышалось оживление, затем быстрый голос Желчи, будто тот уже предвкушал зрелище:

— Принял, «Карат». Что за зверь такой? Есть смысл заранее подогреть интерес?

— Приговоренный. Заказ на ликвидацию уже оформлен. Человек серьезный, в моих кругах весомый, так что охоту лучше не затягивать. Контейнер будет у тебя уже завтра. Встреть как положено.

— Так быстро? — в голосе Желчи прозвучало искреннее удивление.

— А зачем тянуть? Хочется закрыть вопрос без лишней возни и, заодно, порадовать наших людей. Дичь будет биться до последнего — он боксер. «Так что и моя ставка на его устранение будет соответствующей», — сказал «Карат», не отрывая взгляда от Рузиля и едва заметно подмигнув ему.

— Тогда давай по цифрам. С чего начинаем?

— Сто тысяч долларов. Наличными, — без паузы ответил «Карат».

На секунду повисла тишина, будто даже воздух на линии стал плотнее.

— Принято. И как ты хочешь его загнать? В какие сроки?

— Мы ведь всем даем фору — час. Правило не меняется.

— Верно, — быстро подтвердил Желчь.

— Тогда фиксируй. Моя ставка — к концу второго часа он будет мертв.

— Ставка принята, — коротко бросил Желчь и отключился.

В воздухе повисла тяжелая пауза. «Амбал» нахмурился, переваривая услышанное.

— Я, если честно, не до конца понимаю, как тут деньги ходят, — наконец признался он. «Карат» усмехнулся, словно объяснял простую игру.

— Все элементарно. Если к концу второго часа Школьника устранят — Желчь платит мне сто тысяч. Если нет — моя ставка сгорает, деньги остаются у него.

«Амбал» задумался, но отпускать тему не собирался.

— А если все начнут ставить так же, как ты, и угадают? Он что, разорится?

«Карат» тихо хмыкнул.

— Не переживай за него. Там денег хватит перекрыть куда более серьезные вещи. Смысл в другом: второй час уже за мной. Остальным придется либо растягивать время, либо дробить

его на минуты. А попасть точно в нужный момент — почти нереально. Каждый будет гнать свою ставку, стараясь уложиться в свой промежуток.

— То есть первая ставка всегда за тем, кто привез дичь?

— Именно. Кто загнал — тот и ведет игру, — спокойно подтвердил «Карат».

«Амбал» кивнул, но его взгляд стал тяжелее.

— К приезду гостей у нас все готово. Встретим как надо. «Проблем не будет», — сказал он, но замолчал, словно что-то удерживал внутри.

«Карат» сразу это заметил. Он слишком хорошо знал своего телохранителя.

— Говори. Не тяни.

«Амбал» выдохнул, собираясь с мыслями.

— Босс, нам надо закрыть вопрос с Кириллычем. Окончательно. Когда Школьника не станет — кто гарантирует, что он не полезет к твоей семье? Ты сам знаешь, чем это может обернуться. Если правда всплывет — прощай воровской статус. Нам это точно не нужно. Сейчас момент идеальный: он расслаблен, ждет результата и не ждет удара в ответ.

Слова легли тяжело, но без лишней драмы. «Карат» на секунду прикрыл глаза.

— Эх, Рузиль... если бы ты знал, сколько раз я к этому подходил. Всегда останавливался. Семья перевешивала чашу весов. Но сейчас ты прав — момент действительно удобный.

«Амбал» чуть подался вперед.

— У меня есть вариант. Есть человек, которому можно это поручить. Она справится без лишнего шума. Не зря же я тот лагерь под тренировки отдаю — там не только силовики навыки оттачивают.

Из всей фразы «Карат» выцепил главное.

— Она? — переспросил он.

— Она, — спокойно уточнил «Амбал».

В кабинете стало чуть холоднее.

— Она? Киллер?

— Да. И не просто. Работает чисто, хладнокровно. Красивая, но держится особняком. Мужиков к себе не подпускает. Зато на стрельбище — как машина. Попадает без промаха. Там не навык — там талант.

«Карат» задумался лишь на секунду. Потом кивнул, словно окончательно принял решение.

— Хорошо. Убедил. Пробуем. Сейчас действительно тот случай, когда нельзя упускать шанс.

Глава № 4 «ВЗАПЕРТИ»

Я сидел в контейнере, когда сверху со скрежетом открылся небольшой люк, и чья-то рука в маске без слов швырнула внутрь два сухпайка, две бутылки питьевой воды и пластиковое ведро.

— Значит, от голода и жажды я не умру, — тихо произнёс я, больше для себя, чем для них.

Я только потянулся к бутылке, как сверху ударил глухой металлический звук. Через мгновение корпус контейнера дрогнул, словно очнулся, и пополз вверх. Металл застонал, крепления закрипели, и я сразу понял — меня поднимают.

Прошла едва ли минута, когда контейнер с глухим толчком поставили на что-то твёрдое, и почти сразу началось движение. Рывок вышел таким резким, что я не удержался на ногах и тяжело сел на пол. Бутылки покатались по железному дну, глухо ударяясь о стены, ведро нервно забарабанило, как будто тоже пыталось выбраться.

Ну что ж, если меня везут на убой, грех ехать голодным, подумал я и принялся за сухпайк.

На коробке было выведено «ИРП-Б» — индивидуальный рацион питания, боевой. Три с половиной тысячи калорий и почти полтора килограмма веса. Всё расписано, аккуратно, будто не для войны, а для витрины.

Я невольно усмехнулся. Интересно, чем сейчас кормят тех, кто на передовой? В армии я не был, и подобные вещи видел впервые.

Пробежав глазами по содержимому, я даже удивился. Этого набора мне бы хватило на несколько дней, а тут — суточная норма. Галеты, джемы, мясные консервы, каши, чай, кофе. Пакеты сахара и сухих сливок. Но особенно зацепили сухое топливо и охотничьи спички, которые, как было указано, горят даже в воде. Там же лежал порошок для обеззараживания — засыпал в кружку, и можно пить хоть из лужи.

Только вот одну вещь мои «заботливые» похитители не учли. Крышки консервов открывались кольцом, и после вскрытия превращались в тонкие, но острые металлические лепестки. Если их немного выправить, заточить край — получалось вполне приличное оружие ближнего боя. Ладонь крышку скрывает и бьёт уверенно.

Я поел плотно, не торопясь, будто впереди был обычный день, а не неизвестность. Потом ногой выпрямил крышки, убрал их, распределил по карманам порошок, сухое топливо и спички. Что ждёт дальше — я не знал, но внутри что-то упрямо твердило: бери всё, что может пригодиться.

Спустя какое-то время движение стало гаснуть. Машина начала тормозить, затем остановилась. И вдруг всё пошло не так. Контейнер резко рванул вверх, и я вместе с ним оказался в воздухе. В этот момент внутри всё сжалось до предела.

Мысль была простой и холодной: конец.

Я уже представлял, как меня сбрасывают с высоты, как железный ящик летит вниз, и вместе с ним обрывается всё остальное. Или утопят где-нибудь, отправят на дно вместе с этим железным гробом.

Только одно не сходилось — зачем кормить? Чтобы напоследок сыграть в человечность?

Полёт тянулся бесконечно. Час, два, может, три — время потеряло смысл. Контейнер иногда покачивало, но в целом его вели уверенно, без лишней суеты. И вдруг снизу пришёл мягкий, почти аккуратный толчок — меня поставили на землю.

Я замер, прислушиваясь. Вертолёт ещё некоторое время шумел где-то рядом, затем звук начал уходить, растворяясь в пустоте, пока совсем не исчез.

И снова — тишина.

Никто не спешил открывать контейнер. Никто не спешил за мной.

Мысли начали снова разгоняться, одна хуже другой. Глухой лес, пустота, забытый груз. Медленная смерть внутри железной коробки, которая по размерам больше похожа на роскошный гроб — в нём можно стоять, ходить, ждать.

Кричать я не стал. Звать кого-то — тоже. Это только выдаст меня раньше времени.

Я опустил на пол и замер, заставляя себя дышать ровно.

Прошло время, и вдруг где-то снаружи прорезался звук двигателя. Чёткий, уверенный. Затем хлопнули двери.

И вместе с этим внутри, сквозь холод и напряжение, впервые за всё время шевельнулась тонкая, почти невесомая надежда на жизнь.

Боковая дверь контейнера с резким скрежетом распахнулась, впуская внутрь ослепительный свет и холодный воздух.

— Эй ты, животное, быстро к двери, — прозвучал грубый мужской голос, без намёка на эмоции, как будто он отдавал команду не человеку, а зверю.

Я не стал проверять его терпение. В таких ситуациях лишние движения и слова стоят дороже всего. Поднявшись, я медленно подошёл к проёму, чувствуя, как свет режет глаза.

Пришлось прищуриться — после темноты контейнера солнце било прямо в лицо, лишая всех ориентиров.

Я так и не успел толком разглядеть, кто стоит снаружи.

В следующий момент я почувствовал короткий, почти безболезненный укол в левое плечо. Рефлекторно повернул голову и увидел, как в плече торчит маленький шприц.

Мысль мелькнула мгновенно, но додумать её я уже не успел.

Мир поплыл. Контурьы начали расплываться, звук будто ушёл под воду. Тело стало чужим, тяжёлым, непослушным. Я попытался удержаться на ногах, но равновесие предательски исчезло.

Темнота накрыла быстро и плотно, без остатка.

Очнулся я в каком-то вагончике, на раскладушке. На окнах мутные стекла и решетки, дверь заперта снаружи на навесной замок. Его было видно, если чуть надавить на дверь.

Меня продержали взаперти почти двое суток. Время теряло форму, растекалось между короткими провалами в сон и редкими моментами бодрствования. Я не знал, где нахожусь, зачем меня держат и чего ждут. Свет в вагончик пробивался с трудом, будто и сам не хотел сюда заходить.

Я пытался говорить с охраной. Сначала спокойно, потом жёстче, потом просто из упрямства. Ответа не было. Люди снаружи существовали как тени — шаги, скрип двери, редкие силуэты за мутным стеклом. Ни слова. Будто им дали чёткую команду: молчать.

За это время сюда, судя по звукам, подтянулись другие. Двигатели, голоса, суета. Кто-то приезжал, кто-то разгружался. В какой-то момент стало ясно — это не случайное место и не временная точка. Здесь для чего-то собирались люди. Может это какое-то лобное место, где меня прилюдно казнят? Очень много было вопросов, но никто не мог на них дать ответ.

Когда прошла ещё одна ночь и серое утро медленно вползло внутрь, дверь распахнулась. На пороге стояли двое. Они не подходили близко, держали дистанцию, как будто я мог броситься на них в любой момент.

— Выходи, — коротко приказал один.

Я вышел без лишних движений.

Меня провели по сырой земле и вывели на середину широкой поляны. Там остановили и отошли, оставив одного. Пространство вокруг дышало холодом и тишиной. Лес стоял стеной, плотной, неприветливый.

Через несколько минут к поляне начали подводить людей. Сначала одного, потом ещё и ещё. Вид у большинства был тяжёлый — грязная одежда, потухшие лица, взгляд, в котором давно не осталось лишних вопросов. Несколько человек выглядели так, будто их выдернули прямо с улицы.

Среди них я заметил девушек. Молодых. Не из тех, кто привык к такой жизни. Если их привести в порядок, причесать, дать нормальную одежду — они могли бы выглядеть совсем иначе. Но сейчас они стояли рядом с остальными, такие же потерянные, такие же чужие в этом месте.

Нас попросили встать плотнее друг к другу.

И почти сразу к поляне начали подъезжать квадроциклы, лёгкие мотоциклы, техника, на которой удобно двигаться по лесу. Они появлялись один за другим, выстраиваясь по краю поляны. Двигатели рычали, воздух наполнялся запахом топлива и разогретого металла.

Я внимательно смотрел на них. И чем дольше смотрел, тем яснее становилось.

Каждый из прибывших был вооружён. Не просто оружие — полноценная экипировка, продуманная, собранная не наспех. Они чувствовали себя уверенно. Спокойно. Как люди, которые приехали делать привычную работу.

И тогда всё встало на свои места.

Они — охотники. А мы — дичь.

Я медленно переводил взгляд с одного лица на другое, пытаюсь зацепиться хоть за что-то знакомое. Но эти люди были мне чужими. До тех пор, пока взгляд не остановился на одном из квадроциклов.

Там сидел человек в шлеме с тёмным стеклом, полностью скрывающим лицо. Но рядом с ним стоял тот, кого невозможно было перепутать. Невысокий, плотный, сбитый до предела, с такой фактурой, которую не спрячешь ни за какой экипировкой.

Телохранитель Карата, который меня и проводил в тот коттедж.

А значит, и человек на квадроцикле, сам Карат.

Я смотрел на него несколько секунд.

— Ну что, Карат... надеюсь, за это тебя воры на ножи поставят, — сказал я спокойно, без крика.

Ответа не последовало. Я сплюнул в его сторону, что с моей стороны означало полное его призрение.

Вместо этого вперёд вышел другой человек — в полной экипировке, с дробовиком в руках. Его голос прозвучал чётко, без лишних интонаций:

— Я не буду рассказывать вам сказки. Вы здесь не случайно. Перед вами один путь.

Он кивнул в сторону леса за нашими спинами.

— Там заповедник. Сотни километров. У вас есть час. Ровно час форы. Потом мы пойдём за вами. Кого найдём — тот не уйдёт. Кого не найдём — значит тому повезло.

Он сделал паузу и громко крикнул:

— Время пошло.

Секунда тишины — и всё сорвалось.

Люди рванули в сторону леса. Кто-то сразу, кто-то с задержкой. Одна из девушек споткнулась и упала, но быстро поднялась и побежала дальше, не оглядываясь.

Я остался на месте ещё на мгновение. Посмотрел в сторону Карата и коротким жестом провел своей ладонью себе по горлу, показывая, что этот разговор ещё не закончен и что ему конец.

А потом развернулся и побежал. Побежал быстро и без остановок.

«ФУРА»

Фуру никто не звал по имени. Оно осталось в той жизни, где существовали просторные дома, дорогие машины у ворот и отец, привыкший решать любые вопросы деньгами. Она выросла в полной и благополучной семье, где у неё было всё — образование, возможности, безопасность. Только вот сама она выбрала совсем другое. Пока её ровесницы примеряли украшения и строили планы на светскую жизнь, она разбирала оружие на скорость, изучала баллистику и ловила себя на странном, почти болезненном ощущении — без металла в руках ей становилось пусто. Будущее, которое для неё рисовали, она отвергла без колебаний. У неё не осталось ничего лишнего — только прицел.

В пионерском лагере, где Амбал устроил свою базу, она появлялась редко и почти бесшумно, словно тень, скользящая вдоль стен. Её присутствие ощущалось кожей, хотя увидеть её удавалось не каждому. Мужики поначалу пытались сблизиться: кто с глуповатой ухмылкой, кто с показной бравадой, кто с уверенностью, что любую можно продать. Итог всегда был одинаковый — ломались они. После пары холодных, как стекло, взглядов и одного наглядного урока, когда пуля прошла в сантиметре от чужого уха, оставив после себя звенящую тишину, к ней перестали подходить вовсе.

Её единственной привязанностью оставалась винтовка — тяжёлая, чёрная, идеально выверенная до последнего грамма. Она чувствовала её так, как другие чувствуют дыхание близкого человека, и доверяла ей больше, чем самой себе.

Первый заказ она запомнила не из-за денег. Его она помнила из-за дрожи в руках.

Набережные Челны встретили её сыростью, липкой серой дымкой и напряжением, которое будто висело в воздухе. Объект — местный авторитет — жил нагло и уверенно, словно считал себя неприкасаемым. Охрана была скорее привычкой, чем необходимостью. Таких убивают быстро, без лишнего шума, чтобы остальные сделали выводы.

Она заняла позицию в недостроенном доме напротив. Всё складывалось идеально: дистанция выверена, ветер почти отсутствует, цель открыта и доступна. Любая учебная задача выглядела бы сложнее.

И всё же её руки дрожали.

Не от холода, не от усталости — от понимания, что после этого выстрела назад дороги уже не будет. Это не тренировка и не стрельбище. Это точка, после которой человек перестаёт быть тем, кем был.

Она медленно выдохнула, затем ещё раз, заставляя дыхание лечь в ритм. Палец мягко коснулся спуска, без рывка, без лишнего напряжения.

Выстрел прозвучал коротко и сухо, словно кто-то выключил свет. Авторитет не успел ни понять, ни испугаться — его просто не стало. Он осел, как тело без опоры, будто в нём выключили саму жизнь.

Фура осталась лежать неподвижно. Секунды растянулись, стали густыми и тяжёлыми. Мир вокруг будто остановился, давая ей осознать сделанное.

Затем включилась привычная холодная логика. Винтовка быстро и точно разобрана, части разложены и упакованы. Что-то отправилось в мешок, что-то — в тёмную глубину шахты. Гильза осталась на месте, как и положено. Соль и табак рассыпались тонкой линией, стирая возможные следы. Ни отпечатков, ни шансов зацепиться за неё.

Когда она покинула позицию, город уже жил своей жизнью, как будто ничего не произошло.

Только не она.

Первые ночи были тяжёлыми. Её трясло, мысли не давали уснуть, и каждый звук за дверью казался предвестником конца. Она ждала, что за ней придут, что всё закончится быстро и без разговоров.

Но никто не пришёл.

Прошёл месяц, затем год, затем ещё один. Страх постепенно потерял остроту, превратился в привычный фон, а затем исчез вовсе. Вместо него пришёл холод — ровный, надёжный, лишённый сомнений. Руки больше не дрожали, сердце не сбивалось с ритма. Осталась только работа.

К тому моменту, когда «Амбал» вызвал её, за её спиной уже было несколько точно выполненных заказов. Каждое дело — аккуратное, чистое, без следов и лишних вопросов.

Он встретил её в своей привычной манере — развалившись, будто владел всем, что происходило вокруг.

Он заговорил спокойно, без лишних вступлений, обозначив, что работа будет непростой. Она не перебивала, не задавала лишних вопросов, просто слушала.

Когда он назвал сумму, она едва заметно изменилась в лице. Это было не удивление в привычном смысле — скорее мгновенная оценка масштаба задачи.

Она спросила коротко и по делу.

«Амбал» протянул папку, подчеркнув, что речь идёт не о рядовой цели.

Фура открыла её сразу. С фотографий на неё смотрел человек, у которого было слишком много лиц. Сначала уверенный, тяжёлый, с властью в глазах, затем — другой, почти иссушенный, острый, будто прошедший через что-то, что ломает людей.

Матвей Кириллыч — человек, который должен был остаться в прошлом, но почему-то вернулся.

«Амбал» спокойно пояснил, что объект находится в Хабаровске, под постоянной охраной, почти не покидает убежище и действует осторожно, как тот, кто уже однажды пережил смерть.

Фура листала материалы, отмечая детали: маршруты, схемы, лица охраны, возможные слабые места. Задача выглядела сложной, требующей терпения и точности.

И именно поэтому она вызывала интерес.

Она закрыла папку и задала единственный вопрос, который имел значение.

— Когда?

— Вчера, — сказал: «Амбал» и впервые позволил себе лёгкую усмешку, словно получил подтверждение своих ожиданий.

Фура не ответила. Её мысли уже были далеко — там, где есть только точка, расстояние и дыхание.

Где-то глубоко внутри, едва заметно, вновь шевельнулась та самая первая дрожь.

Но теперь она была не слабостью, а инструментом.

До Хабаровска Фура добралась без лишнего шума и ненужных остановок. Маршрут был выстроен так, чтобы не оставлять следов: смена билетов, пересадки, короткие паузы в безликих местах, где никто никого не запоминает. Она двигалась спокойно, почти лениво, но за этой внешней простотой скрывалась привычная точность. Каждый шаг был просчитан заранее, каждая деталь — проверена. Город встретил её холодным ветром и тяжёлым небом, словно заранее предупредил, что здесь всё будет сложнее, чем кажется.

Человек «Амбала» нашёлся быстро. Никаких лишних разговоров, никаких взглядов дольше положенного. Короткая встреча, обмен фразами, в которых было больше проверок, чем смысла, и точка. Он отвёл её к схрону — старому, неприметному месту, которое выглядело так, будто там давно уже ничего не осталось. Но внутри всё было как надо.

Винтовка лежала аккуратно, разобранная, завернутая, готовая к работе. Фура проверила её молча, с той внимательностью, которая заменяла ей любые эмоции. Пальцы двигались уверенно, собирая механизм в единое целое, словно она возвращала к жизни что-то давно знакомое. Металл лёг в руки правильно — без люфта, без сюрпризов. Всё было чисто.

Она забрала оружие и сразу ушла, не задерживаясь ни на секунду. Уже через несколько кварталов начала проверку — меняла темп, делала лишние повороты, использовала отражения витрин и стекол, ловила движения за спиной. Всё выглядело спокойно. Город жил своей жизнью, и никто, казалось, не обращал на неё внимания. Фура не заметила ничего лишнего.

И в этом была её единственная ошибка.

Потому что ни она, ни «Амбал» не учли одного — цепочка с оружием уже давно находилась под контролем бригады Мухина. Все подобные точки, все проверенные люди, все старые схемы — всё это постепенно переходило под чужое наблюдение. Тихо, без лишнего шума, но уверенно.

Человек, которого «Амбал» считал своим, на самом деле уже работал под другим контролем. И когда в схрон закладывали винтовку, в сумке появился крошечный передатчик — незаметный, аккуратно спрятанный, он не мешал, не звенел, не выдавал себя ничем. Он просто делал свою работу.

Теперь её маршрут был известен.

О том, что в Хабаровск прибыл киллер и для него заранее подготовлено оружие, знали уже не двое и даже не трое. Информация начала расползаться, как трещина по стеклу. Сначала осторожно, затем быстрее. А дальше всё пошло по старому правилу — если знают несколько, значит, скоро узнают все, кому это нужно. «Что знают двое, то знает и свинья».

Неизвестным оставалось только одно — цель.

И это многих напрягало.

Люди Мухина начали работать быстрее, внимательнее, проверяя связи, маршруты, старые контакты. Кто-то нервничал, кто-то делал вид, что всё под контролем, но общее напряжение ощущалось почти физически.

Информация дошла и до Кириллыча.

Он выслушал её спокойно, без лишней реакции. Для него всё выглядело просто: Школьник и Мухин сейчас были заняты своими делами у «Карата», а других серьёзных игроков, способных рискнуть, он не видел. Карат не стал бы лезть в открытую игру, тем более ставя под удар то, что для него действительно важно. Семья.

Значит, либо это шум без смысла, либо кто-то решил поиграть в опасные игры.

Кириллыч отмахнулся от этой мысли почти сразу. У него были дела поважнее. На горизонте появлялись новые возможности, такие, от которых сложно отказаться. Деньги, влияние, контроль — всё это манило сильнее любых слухов. Азарт подогревал кровь, заставляя двигаться быстрее и шире.

Он не видел угрозы.

И именно это делало ситуацию ещё опаснее.

А в это время Фура уже заняла временное укрытие и готовилась к работе. Она снова проверила винтовку, настроила оптику, разобрала возможные точки. Её движения были точными, лишёнными суеты. Всё шло по плану.

Только вот план этот уже перестал быть только её.

Где-то далеко от неё на экране тихо мигала точка, показывая её местоположение. Маленькая, почти незаметная, но достаточно важная, чтобы за ней внимательно следили.

Фура об этом не знала.

И продолжала работать так, будто всё ещё контролирует ситуацию.

«МУХА»

Когда вечером Школьник не появился на ужине, это не вызвало ни тревоги, ни даже тени подозрения. Здесь каждый жил в своём ритме, и Фёдор никогда не был тем, кто подстраивается под чужой распорядок.

Художник, лениво ковыряя вилкой в тарелке, только хмыкнул: света в коттедже нет — значит, лёг раньше всех, вырубился, как после хорошей драки. Такое с ним бывало. Никто не удивился. Даже не переглянулись.

Для приличия, больше из привычки соблюдать порядок, чем из настоящей заботы, отправили одного из бойцов. Тот дошёл до коттеджа, постучал — сначала аккуратно, потом уже с нажимом. Дверь осталась глухой, как бетон. Ни шагов, ни скрипа, ни привычного ответа изнутри. Боец постоял ещё пару секунд, прислушался — тишина. Воздух вокруг был мёртвый, неподвижный, будто дом выдохся и больше не дышал.

Он вернулся обратно, пожал плечами: спит. На этом тему закрыли.

Ночь прошла спокойно. Слишком спокойно — как потом скажет Муха, уже сквозь зубы, вспоминая эту вязкую тишину, в которой ничего не происходило и именно поэтому всё пошло не так.

А вот утро всё испортило.

Когда Фёдор не появился на завтраке, это уже выбивалось из его привычек. Он мог пропустить ужин, мог исчезнуть на ночь, но завтрак он не пропускал никогда. Это было как внутренняя дисциплина — встать, поесть, держать себя в строю.

И вот тогда Муха первым поднял голову. Медленно, без слов, но в глазах уже появилось то самое — нехорошее, холодное.

Кипиш среагировал быстрее. Он даже не сел за стол — ходил вокруг, будто зверь, которому перебили запах добычи чужим, резким одеколоном.

— Где он?

Вопрос был риторический, но звучал так, словно ответ уже должен был лежать на поверхности.

Через минуту никто не ел. Решение приняли быстро — вскрыть коттедж. Без стука и лишних движений. Дверь выбили с первого удара, и звук треснувшего замка будто разрезал утро надвое.

Внутри оказалось пусто.

Не просто никого — пусто так, что это давило на виски. Кровать не тронута, воздух застоявшийся, вещи на своих местах. Ни следов борьбы, ни намёка на сборы. Ни единого движения жизни. Как будто человек вошёл... и исчез.

Карат тихо выдохнул, но в голосе уже не было привычной уверенности. Никто ничего не понимал. Ни он, ни его люди. Ситуация выглядела так, будто кто-то аккуратно вырезал кусок реальности и зашил края так, что даже шва не видно.

Пошли к камерам.

В комнате наблюдения стало тесно и душно. Экран за экраном, перемотка, стоп, снова перемотка. Напряжение нарастало с каждой секундой.

Вот Фёдор заходит в коттедж. Спокойно, без спешки. Один.

Дальше — пустота. Ни выхода. Ни движения внутри. Ни одной тени.

— Ещё раз, — процедил Муха.

Перемотали снова. Та же картина. Человек зашёл — и пропал.

«Карат» сорвался окончательно. Его голос разорвал комнату, как удар по металлу. Слова сливались в сплошной поток злости. «Амбал» стоял рядом, бледный, напряжённый, и ловил каждый взгляд босса, как удар.

Потом досталось охране.

На воротах двоих просто смяли. Быстро, жёстко, без лишних разговоров. «Амбал» работал коротко и точно, будто пытался выбить из них ответы, которых у тех не было.

Где он? Кто заходил? Кто выходил? Ответ был один — никто. И это злило ещё сильнее.

Собрали группу. Быстро, чётко, без лишних слов. Люди Карата, люди Кипиша — всех подняли. Лес вокруг базы прочёсывали, как после побега особо опасного преступника. Каждую тропу, каждую канаву, каждую яму. Следов не было. Ни сломанных веток. Ни отпечатков. Ни крови.

Вообще ничего.

Даже собаки, которых притащили ближе к обеду, вели себя странно — брали след у входа в коттедж и теряли его в двух метрах от двери, будто дальше начинался воздух без запаха.

К вечеру стало ясно — это уже не поиск. Это попытка зацепиться хоть за что-то, чтобы не сойти с ума.

Школьник не сбежал. Его не вывели. Он не оставил ни единого следа. Он просто исчез.

И хуже всего было то, что каждый это понимал. Такого не может быть. А значит, произошло именно то, что никто объяснить не мог. Идеальное исчезновение.

Но идеальное — это когда никто не начинает задавать вопросы. А здесь вопросы уже пошли. Медленно, тяжело, и всё чаще — в сторону принимающей стороны.

Муха вышел из коттеджа последним. Не торопясь. Закрыв за собой дверь, хотя смысла в этом уже не было, и оглядел двор.

— Всех сюда, — негромко сказал «Карат».

Никто не переспросил и не стал спрашивать за чем.

Через пару минут двор стал плотным. Бойцы, обслуга, водители — все, кто был на территории. Даже те, кто обычно держался в тени, теперь стояли на виду.

Кипиш встал справа от Мухи. Художник — чуть в стороне, но именно он смотрел внимательнее всех. Муха медленно прошёлся взглядом по людям. «Карат» заговорил спокойно,

но от этого становилось только тяжелее. Человек исчез. Не ушёл. Не уехал. Исчез. Никто не шевельнулся.

Значит, либо он стал фокусником... либо ему помогли.

Тишина легла сверху, как груз.

«Кипиш» выдохнул. «Амбал» сказал, что поднимет камеры с архивом, по минутам. Муха кивнул и только добавил, чтобы смотрели внимательно. Не как в прошлый раз.

«Амбал» сжал челюсть от злости, но промолчал.

Художник шагнул вперёд. Спросил, кто последний видел их человека? Один из бойцов поднял руку и сказал, что видел его днём — тот шёл в коттедж. Не один. Его сопровождал Рузиль. Довёл до двери и ушёл.

Никто больше не подходил. Никто не звал.

Художник кивнул. Слишком спокойно. И сказал, что всё было сделано тихо. Значит, либо Школьник сам открыл... либо его ждали внутри.

«Карат» резко отреагировал, но в его голосе уже чувствовалась не злость, а тревога. Вопрос про закрытую изнутри дверь завис в воздухе. И вот тогда стало по-настоящему тяжело.

Художник заговорил про ключи. Про дубли.

«Амбал» сказал, что ключи были у него и у техников, которые ставили замки. Техников позвали.

Но их не оказалось. Пауза растянулась, как веревка перед обрывом.

Муха коротко хмыкнул и сказал, что, конечно, их тут нет и быть не может.

Художник спокойно отметил, что всё слишком аккуратно. Слишком чисто. Это не случайность — это подготовленная операция. И тревога Школьника, о которой он говорил ещё по дороге через Казань, теперь звучала совсем иначе.

Кипиш провёл рукой по лицу, словно пытался стряхнуть с себя липкое ощущение происходящего.

Он начал говорить, но Муха его перебил. Сказал, что уже всё понял. И посмотрел сначала на людей «Карата», а потом и на самого «Карата». Уже не как на своего. Как на человека, который заманил их в ловушку. Как только Муха хотел предъявить это Карату, у него зазвонил телефон. Резко, глухо, как выстрел в тишине.

Никто не дёрнулся, но все услышали. Муха посмотрел на экран. Звонил его человек из Хабаровска — тот самый, которого он оставил на хозяйстве. Он отошёл подальше в сторону, но так, чтобы видеть всех.

— Да, слушаю, — Муха ответил сразу, без лишнего движения, будто ждал именно этот звонок и никакой другой.

— Это я. Есть движение. Мы зацепили нитку, и она живая, — голос на том конце звучал ровно и сухо, как сводка, в которой нет места ни сомнениям, ни эмоциям.

Муха слегка прикрыл глаза, прислушиваясь не столько к словам, сколько к тому, как они ложатся друг на друга.

— Давай без загадок, — произнёс он тихо, но с такой жёсткостью, что лишние формулировки отпадали сами собой. — Говори нормально. Что за нитка?

— В Хабаровск зашёл киллер. Мы его ведём, он под контролем.

Пауза повисла короткая, но плотная. Муха словно примерил услышанное к общей картине, перебрал в голове варианты и только после этого задал следующий вопрос.

— Кто он?

— Она. Девушка.

Ответ прозвучал буднично, но именно в этом спокойствии было что-то неприятное, будто речь шла о давно отлаженном механизме.

— Ты сейчас серьёзно? — в голосе Мухи не было удивления, только холодная проверка факта.

— Более чем. Работает чисто, без шума и без хвостов. По почерку видно — не первый год в деле.

Муха чуть сжал челюсть, уже начиная понимать, с каким уровнем противника придётся иметь дело.

— На кого заказ?

— Пока не раскрылась. Но есть зацепка. Она встретила с человеком, который подконтролен нам. Он на оружейной теме сидит.

Муха чуть повернул голову, как будто отсекая лишний шум вокруг.

— Что за человек?

— Я в своё время его прижал, он сломался и ушёл ко мне. До этого ходил под неким Рузилом Валеевым, по прозвищу «Амбал». Я его пробивал — пусто. В Хабаровске таких не было и нет.

Муха на секунду перевёл взгляд в сторону двора, где стоял «Амбал», тяжёлый, как бетонный блок, и снова вернулся в разговор.

— Уверен?

— Да. Оружейник подтвердил. Сказал, что заранее был звонок. «Амбал» предупредил: приедет девушка за инструментом, всё подготовить.

Муха уже не моргал, взгляд стал жёстким, как стекло.

— Говори дальше.

— Мы подняли камеры, прогнали базы, проверили маршруты. Она заходила через Казань. Двигалась грамотно: перелёты мешала с поездами и автобусами, следы путала. Прямой линии нет, но вся цепочка сходится.

— Хвост за ней не тянется? — Муха говорил быстрее, но голос оставался таким же ровным. — Может, она ширма?

— Нет. Больше никого. Девушка одна. Мы держим дистанцию, не светимся.

Муха едва заметно кивнул сам себе, как будто поставил последнюю галочку в невидимом списке.

— Слушай внимательно. Её не трогать.

— Уже не трогаем, только ведём.

— Работайте тихо. Как только появится цель — сразу мне. Если у неё есть заказ, она рано или поздно проявится, начнёт крутиться рядом с объектом.

— Понял.

— Связь держи. «Звони в любое время», — сказал Муха и первым завершил разговор.

Линия оборвалась спокойно, без треска и лишних звуков, словно её и не было.

Муха опустил телефон, задержал взгляд на экране, будто ожидал, что тот сам добавит что-то ещё, а затем убрал его и повернулся к людям.

Кипиш оказался рядом почти сразу, не выдержав паузы.

— Ну что там? Есть что-то по Школьнику?

Муха посмотрел на него, потом перевёл взгляд на остальных — лица были напряжённые, жёсткие, без привычной расслабленности.

— Нет. Это не по нему. Другое. Пойдём, надо поговорить.

Они отошли в сторону, туда, где чужие уши уже не доставали, и даже ветер казался глухим.

Кипиш остановился первым, резко развернулся:

— Говори.

Муха не стал тянуть.

— В Хабаровск приехал киллер. Девушка. Работает чисто. Сейчас под контролем моих людей.

Кипиш нахмурился, но не перебивал, только сжал губы, давая продолжить.

— Винтовку она забрала из схрона у человека, ниточка от которого ведёт к «Амбалу». Его человек подтвердил: был звонок, её ждали.

Кипиш медленно провёл рукой по лицу, словно стирая лишние эмоции. Глаза на секунду скользнули за спину, в сторону двора, где стоял Амбал, но вслух он сказал иначе:

— Хочешь сказать, что это совпадение?

— Нет, — спокойно ответил Муха. — Я хочу сказать, что это не совпадение.

Кипиш тяжело выдохнул, будто уже знал, куда ведёт этот разговор, но не хотел туда идти.

— Тогда выходит... — он на мгновение запнулся, словно слова сами сопротивлялись. — «Амбал» в теме и причастен к исчезновению Школьника.

— «Амбал» — исполнитель, — ровно поправил его Муха. — Такие вещи в одиночку не делают. За ним стоит его босс.

Кипиш поднял взгляд, и в нём уже не было сомнений, только холодное понимание.

— Значит, «Карат».

Муха не ответил. И этого было достаточно.

Несколько секунд они стояли молча, и в этой тишине картина складывалась сама — чёткая, выверенная, как схема, в которой каждый элемент уже занял своё место.

Кипиш первым нарушил паузу:

— Тогда Школьник...

— Исчез не просто так, — закончил за него Муха. — И киллер выходит на дистанцию.

Кипиш усмехнулся, но без тени веселья:

— Красиво работают. Даже слишком. Вопрос только — кто цель?

— Слишком красиво, — согласился Муха. — А значит, нам придётся это выяснить.

Он посмотрел в сторону двора, где стояли остальные, и в этом взгляде уже не было прежнего доверия — только расчёт.

— Это не отдельные события. Это хорошо спланированный план.

Кипиш кивнул медленно, будто принимая вес сказанного.

— И нас в него уже вписали?

— Да.

— Тогда остаётся один вопрос, — Кипиш понизил голос. — В какой роли мы выступаем?

Муха не ответил сразу. Он достал сигарету, закурил, втянул дым глубоко, давая мыслям выстроиться. В голове одна за другой всплывали фигуры, связи, старые долги. И вдруг всё сложилось резко, как удар.

Кто больше всего хотел смерти Школьника? Гнида по имени Кириллыч. Старый повар с тихими глазами и гнилью внутри. Тот самый, что сейчас прячется где-то в Хабаровском крае, как крыса, пережидая шум.

Мысль вцепилась, не отпуская. А что, если Кириллыч вышел на «Карата»? Нашёл подход, зацепил, поставил на крюк и теперь дёргает за нитки, заставляя делать грязную работу чужими руками.

Муха сжал сигарету так, что пепел осыпался на пальцы.

Но тогда киллер... для кого?

Кого решил убить «Карат»?

Ответ пришёл резко, почти болезненно. Муха чуть не ударил себя по лбу, выругался сквозь зубы, обозвав себя последними словами.

Всё оказалось проще и злее, чем хотелось. Они пришли за Кириллычем и решили зачистить заказчика всего этого спектакля, а также слезть с крюка.

— Я всё понял. Пойдём пообщаемся с нашими артистами, — спокойно сказал Муха Кипишу, и они вместе направились к «Карату» и «Амбалу», стоявшим в окружении вооружённых бойцов, выстроенных в ровную, напряжённую линию.

Подойдя вплотную, Кипиш остановился, внимательно посмотрел на «Карата» и произнёс без лишних эмоций:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.